

ПУСТЬ АИСТЫ ВЕРНУТСЯ!

АЛЕНА МАКАРЕНКО

Алёна Макаренко

Пусть аисты вернутся!

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Макаренко А.

Пусть аисты вернуться! / А. Макаренко — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-0-88-715039-5

В романе с элементами фантастики два рассказчика: Алина - школьная учительница и Снежана – девятилетняя девочка с непростым характером. У Алины была семья, любимая работа, но авария на ЧАЭС разрушила всё: она стала вдовой и больше не сможет иметь детей. Снежана ненавидит школу и учителей, предпочитая учебе прогулки с друзьями по заброшенным местам. Односельчане тоже не слишком благосклонны к ребенку, сторонясь и называя «цыганским отродьем». Родной дедушка от нее что-то скрывает, а родная мать едва не убила. В 1995 г. их судьбы пересекаются и, как оказалось, не зря: Алина невольно разгадала тайну рождения девочки. Но смогут ли они, такие разные, найти общий язык? И чем в будущем закончится для Снежаны страшная правда?

ISBN 978-0-88-715039-5

© Макаренко А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	39
Глава 7	43
Глава 8	49
Глава 9	52
Глава 10	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Макаренко Алёна

Пусть аисты вернутся!

*В память о бабушке Камской Антонине Дмитриевне.
Спасибо за детство!*

Часть I Польнюшка

Глава 1 В гостях и каша вкусная

с. Пуховка Киевской обл. Июль, 1995 г.

«Снежана, ты приговариваешься к 7-ми годам расстрела с конфискацией движимого и недвижимого имущества».

– Снежана, открой свои прекрасные очи и воззришь на меня, пожалуйста.

Я открыла глаза и, подперев подбородок рукой, уставилась на фельдшера нашей больницы – Анастасию Ивановну.

– Ты либо в колонию загремишь, либо убьешься, – констатировала она, скептически рассматривая мою поцарапанную физиономию, смачно украшенную фиолетовым синяком.

– Мы поспорили, что я перелезу через забор карги, – начала я свою оправдательную речь.

– Кого?

– Ну, этой – Степанишны, которая нас всегда своей клюкой гоняет от яблонь.

– Конечно, это ведь ее хозяйство, – резонно заметила Анастасия Ивановна.

– А ей жалко? – оттопырив нижнюю губу, спросила я.

Анастасия Ивановна пожала плечами.

– Может, она их продавать пойдет.

– Ай, – я отмахнулась, – яблоком больше, яблоком меньше.

– Снежечка, – сочувственно произнесла наша спасительница Настя, и залила зеленкой мой локоть.

– Ого, уже 9-ть лет как она, – подтвердила. – Олег, зараза, меня не удержал, когда я через забор лезла.

– Это ты так упала, что «фингал» под глазом заработала? – она хмыкнула.

– Да нет, – терпеливо пояснила. – Это я поднялась, отряхнулась, и зацедила Олегу.

Ну, а он, логично, мне.

– Ты же девочка, – Анастасия, наверное, пыталась воззвать к моей совести. Но там, где была совесть, остались одни огрызки.

– Эээ нет, я слишком долго пыталась доказать, что я свой рубаха-парень в компании, чтобы теперь вы мне говорили, что я девочка.

– Голодная? – вдруг спросила она.

– Нет, яблок наелась, – я солгала.

– Тех, которых не удалось достать? – она прищурилась.

– Анастасия Ивановна, я же не побирושка какая-то, честное слово, – сказала обиженно.

– А я этого и не говорю, – она улыбнулась. – Просто знаю, что в гостях и суп вкуснее, и бутерброд, и даже яблоко.

Фельдшер достала из тумбочки стола яблоко и бутерброд и положила передо мной.

Я, по правде, была не просто голодна, а зверски, поэтому вцепилась в этот бутерброд, показавшийся мне самым вкусным на свете. Потом спохватилась:

– А вы что есть будете?

– Я уже перекусила, – ответила Анастасия Ивановна, заполняя мою карточку. – Снежана, приведешь свои синяки в порядок, уж постарайся, – серьезно сказала она, – и напomini дедушке, что пора в Киев на ежегодный осмотр.

– Лучше на ежегодный фестиваль какой-то поехать, – сказала я, скривившись.

Анастасия Ивановна вздохнула и протянула мне медкарточку.

Я грустно посмотрела на нашего врача и вдруг спросила:

– Настенька Ивановна, а сколько вам лет?

– Много, Снеж, столько не живут, – она снова улыбнулась, и я еще раз подумала, какие у нее потрясающие васильковые глаза.

«Надо будет ей васильков подарить. Столько раз прикрывала мою филейную часть от дедовой лозины».

– А все-таки?

– 22 почти.

– Ого, вы уже взрослая, – с уважением сказала я.

– Спасибо, хоть не старая, – она засмеялась.

Идя домой, я размышляла о том, что мне все-таки порой везло, и на пути встречались хорошие люди, которые видели во мне человека, а не «конченую дочь алкоголички и неведомо кого с крайне хулиганскими замашками и впечатляющим криминальным будущим».

Анастасия Ивановна работала у нас в селе всего ничего – пару месяцев, но все относились к ней уважительно. Правда, некоторые злобные, противные старухи ее терпеть не могли, «бо шо там молода може?» А «молода» могла не только детей и взрослых лечить, но и спасти маленького теленка от чумки. И даже помочь появиться на свет маленькому козленку бабы Марфы. Вот, кстати, с тех пор нашу Настю и зауважали.

А еще она была красивой и не замужней. За ней ухаживали хлопцы из нашего села и из соседнего, но она давала от ворот – поворот всем. Жила она с мамой в конце нашей улицы; они держали две козы, коровку и пять несушек. Почему-то Настя меня полюбила, в отличие от ее предшественницы – Марины Ильиничны.

Помню, месяц назад я поздно вернулась домой. Ну, загуляли мы на Десне, чего уж там. Моя мать уже спала. В комнате витал запах спиртного и лекарств.

Дед (а он у меня очень страшный) вышел во двор с неизменной лозиной:

– Где шлялась?

– Дед, мы купались, да и солнце вот только село, – пролепетала, в ужасе поглядывая на «орудие пыток и наказаний».

– Купались, значит, – голос был угрожающий, как гром перед дождем. – А ты сделала уроки? – рявкнул он. – Скоро каникулы закончатся, а в твоих тетрадях и конь не валялся.

– Чего ему в тетрадях валяться, – попыталась пошутить, – в сене намного комфортнее.

– Остроумная, значит, – и я получила первый хлесткий удар, – в мамашу свою! – Скоро в подоле принесешь?

Помню, что тогда прибежала соседка, Наталья Петровна, и начала кричать на деда.

Я же заливалась слезами боли и обиды. «Никогда на своих детей руку не подниму. Никогда!», – подумала я.

– Ростислав! Ти шо, припини дитину катувать! – кричала она. – Мої он рибалити пішли о 5-й ранку, ще не вернулись.

Дед зло посмотрел на Наталью Петровну, но лозину опустил, и я, плача, убежала в дом.

Наутро почувствовала себя паршиво: горло болело, кашель вырывался, а еще было то очень холодно, то жарко. Я спала в комнате с мамой, поэтому попыталась ее позвать, но поняла,

что голоса нет, да и мамы, по всему видать, тоже. Солнце светило ярко, но не высоко, значит, сейчас еще рано, так, где же мама?

Я высунулась из постели и пошла ее искать, стараясь не попадаться на глаза деду.

– Мама, – просипела я.

– Что, встала уже, паршивка эдакая? – это моя мама «ласково» меня поприветствовала. – Нет, чтобы матери помочь, так она днями шляется, а тут еще и ни свет, ни заря орет!

Мама влепила мне ощутимый подзатыльник. Моя голова и без того болела, так что стало еще хуже. Кроме того, разве ж я кричала? Ведь я сиплю, как Васька на уроке, когда просит Митьку списать контрольную.

– Анька, – дедушка появился на пороге, – пока слышны только твои пьяные вопли. Так что иди проспись, как следует.

Он обернулся ко мне и всунул в руки тятку:

– А ты давай, живо на огород.

Я тяжело вздохнула, на что моя мать, развернувшись ко мне у порога, сказала:

– И не вздыхай. Чего наработаешь, то и жрать зимой будешь!

– Слышь, Снегурка, кудри свои цыганские прикрой, а то голову напечешь, – заметил дед и сел на крыльце с миской воды, чтобы помыть огурцы.

На самом деле он меня не любил. Вот совсем. Да и никто в моей семье. Все мои вопросы вызывали раздражение, а некоторые даже заканчивались встречей с лозинкою. Еще в три года поняла, что зря родилась девочкой, хотели здесь явно мальчика. Да и со внешностью что-то было не так. Мама была русоволосой с голубыми или сероватыми глазами. Дед седой, тоже со светлыми глазами. А у меня темные цыганские кудри и болотные глаза – это когда еще не зеленые, как трава, но уже и не карие, как чай. Однажды дед, глядя на меня, когда мама в очередной раз чихвостила меня без причины, сказал: «А че ты орешь? Митькина она. Ты ж его любила, вот, любишься теперь цыганкой-молдаванкой своей».

Да и еще глобальной проблемой, не дающей мне доводить до бела каления окружающих, было то, что периодически у меня болело сердце. Мне не объясняли, что со мной, только раз в год, а в раннем детстве дважды, дед возил меня в Киев, где я лечилась в больнице. Там было хорошо тем, что неплохо кормили. Одна пожилая врач иногда часами просиживала со мной в парке возле больницы, вернее это скорее скверик, на скамеечке. С ней было тихо и спокойно, и она рассказывала разное. Да и меня слушала внимательно, с улыбкой, и не говорила, что то, что я говорю, – это несусветный бред. Странно было, что порой она называла меня Полынюшкой, а объяснять почему, не хотела. Просто грустно смотрела на меня и говорила: «Полынь – это трава такая. Сорняк, но лечебный». Я по своей наивности трактовала это так: «Да, я простая травка, но хорошая, лечебная».

Иногда, вот как сегодня, дед заботливо подсказывал надеть шапку, чтобы, как в школе рассказывали, солнечный удар не получить. Но в этот раз шапка меня не спасла. Причиной, наверное, было то, что я и без того чувствовала себя плохо. Когда я прямо на огороде потеряла сознание, дед быстро позвал Анастасию Ивановну, нового фельдшера. Слушала их, уже придя в себя, хотя показывать этого не хотела, потому едва приоткрывала глаз. Я вообще любила болеть. Тогда меня не били, вкусно и сытно кормили. По крайней мере, дед не забывал этого делать.

– У девочки ангина, – констатировала белокурая, голубоглазая женщина.

– Ээ, – дед, хоть и военный, всегда терялся в случае, если с его близкими случалось подобное. – Ангина же на сердце дает осложнения.

– Увы, – согласилась Анастасия Ивановна. – Но вы не переживайте, организм молодой.

– Это да... – он вздохнул, – Анька, уйди.

От этого возгласа мои глаза сами собой открылись.

– Ну вот, пришла в себя, – заметила Анастасия Ивановна. – Что ж ты так дедушку пугаешь?

Я хмыкнула и отвернулась, стиснув зубы: «Пугаю я его, как же? Не все ли ему равно. На огород же ОН отправил больного ребенка».

– Значит так, – заключила она и записала что-то на бумаге. – Постельный режим, калина, малина, мед, молоко теплое с медом, а через пять дней ко мне. Будет хуже – зовите. – Она мне улыбнулась так же ласково, как врач в Киеве, и я улыбнулась ей. – Не болей, моя хорошая, – и Анастасия Ивановна вышла.

За ней быстро пошел мой дедушка. Я услышала обрывок их разговора:

– У нее с сердцем проблемы серьезные. Порок сердца.

– Ростислав Андреевич, – ее голос был спокойным и не удивленным или обеспокоенным, – вы девочку берегите. Особенно в период полового созревания, то есть формирования всех органов. И ходите иногда в церковь.

Даже я тогда улыбнулась: «Дедушка и церковь – несовместимые вещи».

– Даже рак на последней стадии излечим, если верить. Берегите ровесницу горькой звезды.

– Набожная какая-то, – буркнул дед, зайдя ко мне в комнату. – Медикам виднее.

– Дедушка, – спросила я, ведь вопрос о моем сердце меня тоже интересовал, – а я умру?

– Подслушивала, значит, – снова пробурчал он.

– Но, дедушка.

– Снежа, все мы когда-нибудь умрем, – он так всегда «включал философа», как говорил Олег.

– Да, деда, – нетерпеливо просипела я, – кто-то раньше, кто-то – позже. Но я рано, да?

– Я сейчас молока куплю пойду у Петровны, а ты лежи. И попробуй только куда-то махнуть со своими дружками – точно помрешь рано, – заверил он и быстро ушел.

Тогда у Натальи Петровны молока не обнаружилось, как раз корова телилась. А дедушка, сев на скамейке у нашего забора, пригорюнился – я в окно видела. Но тогда мы снова нашли помощь в лице нашего фельдшера. Она села рядом с дедушкой и протянула ему трехлитровую банку еще теплого молока и баночку меда. Когда он зашел в нашу с мамой комнату с кружкой парного молока, то с уважением рассказал мне об этом.

– Если ей помогает, то пусть верит. Она молодая еще, – сказал он, – это мы – люди советские, нам это в диковинку все.

– Дедушка, а советские – это какие-то особенные люди? – спросила.

Он сел на край моей кровати. Мама куда-то снова ушла, раз дед покосился на ее кровать и вздохнул.

– Да нет, Снежка, люди, как люди. Может, более самоотверженные, более правильные, но в чем-то немного... слишком верящие в правоту власти.

– А ты в это не веришь? – спросила с любопытством.

– И я верил.

– А власть всегда права?

– Власть – это те же люди, но которым эта самая власть голову кружит, и тогда они перестают быть людьми, – путанно пояснил дед.

– А кем же они становятся? – недоуменно посмотрела на него.

– Машиной, отдающей приказы, не задумываясь, чем это грозит людям, не наделенным властью.

– Хм, – только и сказала я.

– Ты молоко допила? – вдруг спросил он.

Я кивнула. Тогда он принудительно привалил меня к подушке и укрыл одеялом под самую шею. Этого ему показалось мало, и он пошел взял шерстяной шарф, которым обмотал мне горло. «Чего-то болеть мне уже не хочется», – уныло подумала я.

Тихонько открыв калитку, чтобы никто меня не заметил, прокралась к печке и намазала лицо сажей. Если оно будет грязным, то меня отправят помыться, а вот если дед обнаружит синяк, то мне уж несдобровать. А так можно день не попадаться на глаза, а в случае чего сказать, что сажа не отмывается, или что это такой загар. Главное, чтобы дед не полез меня отмывать, а то он и шкуру сдерет, а мне и без того больно. Хотя пока можно еще сказать, что с одной стороны обгорела на солнце, а вот когда синяк приобретет цвет баклажана, то будет весело...

Я натянула рукава кофты, чтобы не видны были содранные локти, а колени так же припорошила сажей. Их и вовсе можно не отмывать. Скажу, что все равно в огород пойду.

– Ах ты свинья! – Мама, как всегда, «любезна».

Я скривилась:

– Сейчас умоюсь, мам, не кричи, пожалуйста.

В кухню вошел дед и отпрянул, когда увидел меня такую красивую. «Переборщила, видать», – дошло до меня.

– А это что за мара? – строго спросил он.

– Деда, мы Олегу помогали печку чистить, – я кривовато улыбнулась.

– Да? Это до того, как вы у Степанишны яблоки воровали или после? – невозмутимо спросил он, рассматривая лозину.

«Уже наябедничала. Карга старая», – подумала я. Но идти следует до конца:

– И до, и после. И мы не воровали, мы собирали те, которые упали возле забора. Что, запрещено?

– Запрещено! – крикнул он. – И врать запрещено!

– Опять хлестать будешь? – от безнадеги сказала я.

– Толку? – спросил он.

– Вот и я о том же, – с надеждой закивала головой, – без толку. Я ж на зло потом буду.

– Серьезно? – он ухмыльнулся. – Это если силы останутся.

– Мне кросс сдавать? – с ужасом спросила я. – Я даже на физкультуре не бегаю.

«Бегаю только от некоторых собак, от нашего участкового и от Степанишны», – вслух эту мысль, разумеется, не озвучила.

– Да нет, – он весело на меня посмотрел, – что ж ты у Олежки печку чистишь, а дома нет? И дома нужно.

«Великий педагог: печь помой, на крышу залезь – дымоход потряси, а потом драй полы, конечно», – я аж застонала от объемов предстоящей работы.

– Давай, давай.

«Хорошо, хоть Анастасия Ивановна бутерброд дала. Дед снова забыл, что детей кормят вообще-то», – и, вздохнув, принялась отрабатывать повинность.

Глава 2

Скажи мне, кто твой друг...

Утром сил было еще меньше, чем после того, как закончила все дела по дому, но мы с Олегом, Русланом и Женькой договаривались встретиться с девчонками с «Десны» и пойти исследовать базу за «лягушатником». «А это такое место...», – я мечтательно потянулась на кровати: вылазки и бродения по всяким заброшенностям – это моя слабость. Почему-то они всегда заканчиваются не очень хорошо, но в детстве и море по колено.

Одна такая вылазка, а была она в Киеве, закончилась травматологией и постановлением меня на учет в столичном РУВД. Обидно, конечно, так по глупости и так попасть... Помню, уже дома, дед хлестал меня очень долго. И злой был такой, как никогда, наверное. Он орал: «Лечиться поехала она! Воровка несчастная!»

А дело было так... Олечка, Женька и Руслан – мои закадычные друзья, и «очень плохие парни» нашего села приехали меня проведать в Киев.

Их считали отпетыми, а я думаю, что они и есть настоящие друзья. Из нашей компании я была младшей, но они ко мне привыкли. А как не привыкнуть, если еще с пяти лет таскалась за ними «хвостом». Первое время они меня прогоняли, но не били. Потом я стала активным участником их «дебатов» и проказ. Сначала они «брали меня на дело» в шутку, а потом и всерьез. Дела у нас были разные – клубники с соседской грядки подсобирать; на яблоню забраться, не на свою, безусловно; залезть в окно школы и украсть задания для контрольной. Кстати, последнее было самым ответственным, и, надо сказать, я справилась с ним блестяще. Правда, старшеклассники удивились, почему пятилетний чумазый ребенок бродит по коридорам школы; думали, что я чья-то учительская и потерялась, поэтому помогли мне найти кабинет математики, где моя якобы «мама» оставила мне покушать. Стоит отметить, что задания поменяли прямо перед контрольной, и мальчишки схлопотали «пару», но это уже не моя вина была.

Разница в возрасте у нас была – пять лет. Мать Олега была учительницей в нашей школе, Руслана – швеей, а Женькина в основном хлопотала по хозяйству. По правде, больше всего мне нравилась мама Жени. Она меня маленькую часто кормила, а потом укладывала днем спать у себя. Причем Женька сначала подшучивал надо мной по этому поводу, а потом перестал.

А я в порыве азарта-то спать не хотела, но, нагонявшись полдня, почему-то, едва голова касалась подушки, проваливалась в сон. Дед сначала ругался, что я «по чужим людям побираться», а потом привык. «Пусть отдохнут от меня», – думала я.

Матери же Руслана и Олега дружили. А как не дружить учительнице со швеей? Учителя у нас – элита села, и обновки должны быть соответствующие. На меня они смотрели свысока, и не раз прогоняли, объясняя, что Руслана или Олега нет дома, на что мальчишки, к слову, обижались. Олег мог демонстративно пройти мимо матери, забрать меня, расстроенную, с улицы и усадить у себя в комнате, пока будет делать ненавистные домашние задания.

Стоит отметить, Олег, несмотря на то, что был заводилой всяких «неправильностей» и не очень хорошо учился в школе, был очень умным. Однажды он сказал:

– Снеж, школьная программа – это такая пурга. Когда тебе рассказывают, что Земля квадратная – не верь.

– Олечка, но она же круглая, – по наивности своей я не поняла, что он надо мной подсмеивается.

– О, малая, далеко пойдешь, – он засмеялся и сунул мне в руки пирожок, чтобы не задавала лишних вопросов. Он всегда так делал.

А Руслан очень любил смотреть, как я рисую. Ах да, я ж красиво рисую! Так все говорят, не все вслух, но всем нравится. Просто кого-то завидушки берут, а кто-то, как Руслан, Олег, Женя, Леся и Катя, искренне восхищаются.

– Снежинка, а нарисуй мне машину классную, с крыльям и вооот такими, – он делал руками домик, – фарами.

– Далась тебе эти машинки, – говорила я тогда, смешно подперев подбородок рукой на манер взрослой и умудренной жизнью женщины. – Другое дело – березы у Десны или мишки с бантиками, или белочку могу...

– Стоп, малая, стоп, – всегда протестовал Руслан, – я все забываю, что ты девчонка...

А белочек у нас по селу, сколько хочешь бегают, особенно после «беленькой».

– Беленькой белочки? – не понимала я, но с восторгом думала о необычной белой белке с пушистым белоснежным хвостом.

– Горячечки, – и Руслан начинал хохотать.

– Аааа, – так я и не понимала до поры до времени, что он имел в виду, пока не увидела, что такое белая горячка и, увы, у собственной матери.

Вот приехали они меня в Киев проведать, а я лежу там, скучаю. Уколы ужасно надоели – сесть не могла, да и лечь тоже. Моя любимая Маргарита Степановна – врач и моя вечная собеседница, как на зло, в отпуске. Была, правда, Авдотья Петровна, наша медсестра. С ней тоже можно было поболтать, но больше всего она любила почувствовать себя парикмахером.

И практиковалась исключительно на мне. Волосы у меня выются, кудряшки хорошие, еще и длинные. Дед матери не дал обкорнать мне их в порыве злости. Так Петровна то такую косу заплетет, то эдакую, то хвост с косой, то «ракушку» какую-то. И красиво делала, надо сказать.

Я одна такая в больнице аккуратная ходила из детей.

Поэтому я страшно обрадовалась, что мои мальчишки приехали меня проведать.

– Ну что, манюня, – сказал Олег, – не обижают тебя?

– Неа, – грустно ответила я, – скучно просто.

– Надо же, Олег, смотри, – Руслан пнул Олега в бок, а я не поняла, чего его глаза так хитро светились, – а Снежинка, оказывается, девчонка. Глянь, какая прическа. Моя б мамаша обзавидовалась.

– Моя и завидует, – пожал плечами Олег. – Даже отец ей однажды сказал, что она дура, мол, кто завидует ребенку, еще и больному? – Он вдруг спохватился, а я нахмурилась. – Снеж, извини, – быстро сказал друг. – Ты с нами в таких передрыгах бывала, что больной тебя точно не назовешь. А тут ты лежишь, потому что...

– Олег, не нужно, – спокойно сказала я. – Я дожила до 8-ми лет, так и дальше проживу.

– О, это «наш братик» слово сказал, – Женька весело поднял большой палец в одобрительном жесте.

– А вы чего приехали? – вдруг спросила я.

– А ты не рада? – искренне удивился Олег.

– Да рада, просто неожиданно, – пожала плечами. – Что ваши мамы скажут?

– Сколько тут от Киева до Пуховки, малая? – улыбнулся Руслан. – Мы сказали, что на рыбалку пошли.

– А как же вы без рыбы? – вновь спросила я.

– Снеж, ты не за то переживаешь. Мы для тебя сюрприз подготовили, – Олег заговорила подмигнула.

– Да? – я искренне обрадовалась. – А какой?

– Для начала – вот, – Женя вынул из «авоськи» пирожки, завернутые в бумагу.

– И вот. – Олег положил на тумбочку пять больших и очень красивых яблок.

– Спасибо, – я искренне была благодарна. – А у мамы твоей, Олег, ведь все яблоки посчитаны.

– Ай, – он отмахнулся, – пусть только что-то скажет, так я ей на это вверну, что она, мол, учитель математики, а в подсчетах ошиблась.

– Уу, понятно, – промямлила я.

Руслан достал откуда-то из-за пазухи мое желтое платье в мелкую ромашку. Я удивленно на него посмотрела.

– Надевай, пойдем на дело. Ты ж не хочешь в тихий час спать? – хитро спросил он. Риторический вопрос.

– А где ты мое платье взял? – спросила я, вернувшись из туалета, где переодевалась.

– Да с веревки снял, – хохотнул Руслан. – Чуть твоему деду на глаза не попался.

– А куда мы пойдем? – Я покосилась на спящую соседку по палате. Остальных отпустили домой на выходные.

– Пошли выйдем – там и скажем, – серьезно сказал Олег.

Мы посмотрели, нет ли персонала на месте, и быстро убежали.

На улице была отличная погода – весна в самом разгаре.

– Апрель – это самый лучший месяц, – сказала я.

– Это потому, что ты в апреле родилась? – поинтересовался Олег.

– А, да, и это тоже, – я улыбнулась.

– Кстати, это ж сегодня 23 апреля. Через несколько дней твой день рождения, Снежка, – вспомнил Женька.

– Ага, – я кивнула. – Опять дед пойдет просить Петровну вареников мне налепить, мама уйдет на целый день куда-то, а дед будет на меня грустно-грустно смотреть, а потом и сам тяпнет стопку водки и ударится в философский бред.

– О, дедуля твой любит философа включать, – подтвердил Олег. – Помню, когда ты ангиной заболела пару месяцев назад, я зашел тебя проведать.

Я вздохнула: «Помню я, помню, а я еще обижалась, что они ко мне не заходят, а оказалось, что просто дед не пускал».

– Так вот сидит он на скамейке и трубку курит... – продолжил Олег. – Кстати, Снеженция, утащи у деда хоть раз трубку, мне так интересно попробовать.

– А набивать ты ее чем будешь? – спросил Руслан.

Олег почесал макушку.

– Та хоть пшеницей, мне вот интересно подержать в зубах, да пофилософствовать, – он гоготнул.

– Он ее под подушкой хранит, – сказала я, – но я попробую.

– Так вот вынул твой дед трубку и говорит: «Ты, Олег, неплохой парень, а все занимаешься какой-то ерундой».

«А эт не ерунда, – говорю, – Ростислав Андреевич, это принцип Робин Гуда – забрать у богатых – отдать бедным».

– Да ты большой философ, чем Ростислав Андреевич, – засмеялся Женька.

– Не, ты подожди. – Олег весело замахал рукой на Женьку. – Ростислав Андреевич опять: «Учение – свет. А ты ведь умный. Ты бы пролил свет на буйную голову Снежаны». – А я ему отвечаю: «Воду пролить могу, а вот свет – это вряд ли. Да и будет ходить просвещенная, тогда у нас в селе снова лампы в фонарях повькручивают – нам ведь Снежана светить будет».

– Бестолочь ты, Олег, – серьезно и без тени улыбки сказал Руслан, а потом каааак рассмеется.

– То-то Андреевич тебя к Снегурке и не пустил. Учишь, мол, дитя всякой ерунде.

Еще какое-то время мы смеялись, вспоминая «перлы» моего деда, а потом мальчишки привели меня в парк. Так как была в Киеве только в больнице, в метро и на автостанции, то столицы не знала вовсе.

Мы сели на скамейку, мальчишки купили мне мороженое. Оно было восхитительно вкусным.

– Это самый лучший сюрприз, – искренне сказала я.

– Ну, мы ж за тебя в ответе, – с серьезной миной сообщил Руслан.

– Вы иногда со мной, как с маленькой... – я насупилась.

– Да нет, ты что? – Олег протестующе замахал руками и сделал большие глаза. – Ты ж у нас просто главарь, – он засмеялся.

– Главарей не бьют, – обиженно сказала я.

– Ты получаешь редко, – Женька улыбнулся, – и слабенько.

– Я же девочка, – картинно опустила реснички.

– А кто говорил, что свой рубаха-парень, брат и тому подобное? – Олег дал мне легкий подзатыльник.

– Это да, это есть, – согласилась я.

– И сама, бывает, как зацепит в глаз или ухо, – Руслан беззлобно улыбнулся.

– Русланчик, прости, что зубик тебе выбила, – я виновато посмотрела на него.

– Та, ему выпадать уже пора было, а он все сидел. – Руслан обнял меня за плечи. – Снежана-стоматолог.

– А звучит, как будто я авторитетный вор в законе, – хмыкнула я.

– О, надо в селе сказать, так тебя бояться будут, уважать... – Олег сделал важный вид и на манер королевского пингвина прошлепал по дорожке.

– Они меня и без того в селе бояться, – вздохнула я и скривила губы. – Мол, деток малых плохому научу, старших порешу, а взрослых – еще чего-то.

Мальчишки промолчали. Об отношении односельчан к нашей семье можно было написать целое «Кайдашеве село». Я им не нравилась примерно с тех пор, как начала разговаривать сложно-подчиненными предложениями. То есть не тогда, когда я смотрела на всех «тетя» и «дядя» с благоговением, а когда начала видеть их истинное нутро.

Так, Марфа Гавриловна, козу которой спасла Анастасия Ивановна, говорила: «Яка гарненька дитинка», а потом, я сама услышала, как они обсуждали меня с соседкой – Ленкой Мартыновной, какая я «вовчкувата, ше й чорна. Циганське отродіе».

Как я говорила, матери Олега и Руслана меня не взлюбили, и это откровенно чувствовалось. Сыновья Петровны тоже обзывали меня отродьем, и я долго плакала, прячась в кустах. Собственно, к мальчишкам я и привязалась, потому что однажды Олег, который возвращался из школы, увидел меня плачущую. Просто Виталик, младший сын Натальи Петровны, снова начал меня дразнить «цыганкой», а потом толкнул в лужу. Это было особенно обидно, потому что был мой день рождения, 26 апреля; дедушка подарил мне очень красивое, как мне казалось, самое-самое шикарное, белое ситцевое платье с розовыми бантиками, а Виталик толкнул меня в грязь, специально. Еще кричал, что я – «грязная цыганка и мое место в грязи».

Виталик был на пару лет младше Олега, то есть тогда ему было восемь, поэтому он боялся старшего, еще и заводилы села.

Олег поднял меня на ноги:

– Чего реवेशь? Ну, померяла ты лужу, на то мыло есть.

– Деда ругаться будет. А у меня день рождения. А они, зачем они так?

Олег тогда зло сощурился и посмотрел в сторону моей хаты.

– Ты Андреевича внучка? – спросил.

– Да, – я всхлипнула.

– А это, – он указал на платье, – не сынки ли Петровны постарались?

И я снова согласно кивнула.

– Сделаем так: я отведу тебя к Женьке, он мой друг. Его мама тебя покормит, а платье твое постирает, и чистенькой именинницей пойдешь домой. Ты только улыбнись, – он приободряюще смотрел на меня, – и запомни этот день: больше тебя никто трогать не будет, потому что ты под защитой, – и он сделал выпад вперед, – Трио Справедливости.

Я засмеялась и иногда даже теперь их так называла.

Тогда домой я вернулась в чистом платье, с яблоками и конфетами в подоле, и гордо прошествовала мимо Виталика и его брата Кости. К слову, у одного был разбит нос, а у второго маячил «фингал». И, надо отметить, Наталья Петровна, их мать, меня никогда не обижала, а после выходки сыновей сама так хлестала их, что нам было слышно.

Дед, когда я пришла, только сказал, что уже поздно и пора спать. Я тогда очень хорошо спала, ведь теперь была под защитой. С тех пор я и бродила за тремя ребятами, спасшими меня от «нападения». И цыганкой меня больше не называл никто, особенно когда я стала взрослеть. Во-первых, я была бледноватой как для этой национальности. Если мне было не очень хорошо (а это, увы, случалось часто, хотя об этом я никому не говорила), то и вовсе была на свое именинное платье похожа. А то, что волосы темные, так такое не только у цыган бывает.

Олег меня вообще Белоснежкой называл, как в сказке. Однажды он мне дал почитать эту историю про девочку, у которой лицо было белым, как снег, а волосы черными, как оконные рамы, и я с ним согласилась. Поэтому негласно я была Белоснежкой. И в тайне мечтала, что моя мачеха, которая на самом деле родная мать, потеплеет ко мне, а когда вырасту, выйду замуж за принца, мы поселимся в замке, где будет яблочный сад. И в апреле все будет цвести и умопомрачительно пахнуть.

– Смотрите, – вдруг сказала я и указала пальцем туда, куда хотела, чтобы ребята посмотрели.

Они увидели, как из кармана пожилого и на вид не бедного мужчины жуликоватого вида дядька в спортивном костюме и кепке вытаскивает кошелек.

– Во, гад, – в сердцах сказал Женья.

– А я знаю, что нужно делать, – резко сказала я. – Нужно украсть у вора ворованное.

Пока мальчишки размышляли, уставившись на меня, я подошла к вору из-за спины и легко, как для человека, не имевшего подобных навыков, вытащила кошелек. Но легко вытащила, а он ведь заметил... и тут все пошло совсем иначе, чем задуманный мною благородный поступок. Робингудшей меня не посчитали, потому что жулик схватил меня за руку и закричал, что поймал воришку. Я бы рада вывернуться, но как?

Ограбленный мужчина узнал в ворованном кошельке свой, и позвал милиционера, одиноко скучающего в глубине парка, но примчавшегося на крик: «Держите воровку!»

Когда жулик чуть ослабил хватку, мы с мальчишками побежали через парк. Как я и говорила, бегать я не любила, да и не очень могла. Мне просто не хватило дыхания, еще и споткнулась, и полетела со всего размаху в какую-то яму. Мальчишки, в порыве погони, не сразу заметили, что я с ними уже не бегу, а когда поняли, то меня на ноги уже поднимал милиционер. Я красноречиво показала им, чтобы бежали дальше.

В итоге у меня оказался сильный ушиб ноги, вывих руки, заведение личного дела в детской комнате милиции. Кроме того, вызвали моего деда, который заплатил штраф. Из больницы фактически за побег меня не вытурили только благодаря заведующей отделением – моей любимой Маргарите Степановне. Благо, она вышла из отпуска, и уже была назначена на эту должность. Кстати, в мою версию событий поверила только она и никто больше, включая деда. Вот так, в преддверии моего 8-летия, закончились наши киевские приключения.

Я встала с кровати, наконец вернувшись в реальность, и быстро собралась. Деда не было, и я вспомнила, что сегодня он получает пенсию. Мать, к сожалению, была на кухне. «Что она там делает, если она ни разу на моей памяти не готовила?»

Я выскользнула из дома. Слишком голодной с утра я не была, а там на «Голубой Десне» поедим с Катькой и Лесей. Я обещала им, что нарисую им «татушки» на руках, а то им не дают денег на «перебивачки», которые продаются в ларьке на территории другой базы – «Стрелы».

Иногда мы собирали бутылки из-под пива и сдавали их в этот же ларек, за что нам давали какие-то копейки. Вот за наши первые заработки мы покупали жвачки с наклейками, шкатулочку с сюрпризом или шоколадное мороженое в стаканчике.

Мы жили в центре села Пуховка Киевской области. «Голубая Десна» и «Стрела» – это две базы отдыха, которые находились в пяти минутах ходьбы от центра. Раньше с мальчишками мы только бегали на речку, а потом решили «познакомиться» поближе с «Голубой Десной». Там было много фруктовых деревьев – яблони, груши. Причем всего было в таком изобилии, что нам хватало не только наесться, но еще и взять с собой.

Тут мы и познакомились с сестрами – Катей и Лесей. Они были киевлянками, но каждый год приезжали сюда отдохнуть. Говорили, что никаких морей им не нужно, когда здесь можно почувствовать полную свободу.

Как оказалось, девочки были правильными и послушными, а вот здесь с ними происходили некоторые метаморфозы. Сестрички старались исследовать разные места и закоулки Пуховки. Собственно, это их идея была пойти погулять по заброшенным базам, которые располагались за «лягушатником». Разумеется, мы согласились, и сейчас стояли, облокотившись на забор-сетку, отгораживающую базу «Стрела» от пляжа. Мы знали, что зимой порой ее затапливала разливающаяся Десна.

Вскоре увидели Катю и Лесю. Леся была старшей – 12 лет, Катя на год младше.

Обе рыжие, просто две морковки. Они еще и ходили с хвостами, поэтому мальчишки и называли их «морковочками».

– Привет, ребята! – Катя нас весело поприветствовала.

Леся тоже поздоровалась, но сделала она это не так задорно. О причине я догадывалась: ей нравился Руслан. Каждый раз, как он появлялся на горизонте, Леся краснела и опускала глазки. Самое интересное, Руслан, видимо, тоже догадывался о ее симпатии, и старался относиться к ней более уважительно и внимательно, нежели к нам.

Оставалось дожидаться Олега. Странно, что его не было. Я ж не сильно его треснула.

Мой синяк выглядел, пожалуй, хуже.

– А вот и Олег, – Катя указала на противоположную сторону той, откуда они пришли с сестрой, то есть со стороны «лягушатника».

Я пристально посмотрела на Олежку, а он на меня. Олег вымученно улыбнулся.

– Снеженция, – он «почухал свою гриву», как говорил Женя, – ты это, извини. Я от неожиданности, что тебя уронил, да еще и твоего кулака, зацедил тебе в глаз. Прости, малыш.

Я скривилась: – Ну, вот «малышом» – это ты меня вообще обидел. За это схлопочешь во второй глаз.

– Ой, малая, ты в своем репертуаре, – добавил Женя.

– Да идемте уже. Первый раз, что ль? – отмахнулась я, а Олежка меня весело обнял и разлохматил мою прическу.

– Олежка, блин, мне ж тут некому прически делать, я их еле собрала в какую-то кучу.

– Очень красиво, – он заржал, потому что прическа у меня явно была еще та. За что легонько получил по ребрам.

Мы спустились к маленькому ручейку и перешли через него к «лягушатнику», где нас встретил детский пляж с белым песком и приток Десны, где жабе по колено. Мы с мальчишками плавать умели, а вот Катя с Лесей не очень хорошо держались на воде, поэтому предпо-

читали именно это место для купания. Через это мини-озерцо можно было перейти на другой берег, не погрузившись в воду даже по шею, по крайней мере взрослым, а вот мне почти шея вода и достигала.

– Давайте наверху остановимся, там и народу меньше, и цыгане до твоих тапок, Снеж, не доберутся, – засмеялась Леся.

Я припомнила это и рассмеялась.

– Да уж, тапки были на вес золота.

Тапочки тогда практически разлезлись, но я к ним привыкла, а привычка, как известно, вторая натура, поэтому расстаться с этим «непотребом», как говорил дед, я все не могла.

Да зато цыгане помогли.

Мы с ребятами по бокам подстилки разложили мои потрясающие тапки, и пошли купаться. Когда вернулись, то их уже не было, а люди, лежавшие неподалеку, сказали, что тут цыгане ходили. Таким образом я и лишилась своих привычных лаптей. Самое неприятное – было идти мимо мусорки босиком, поэтому я старалась обходить препятствия по обочине, а потом, придя домой, долго драила ноги щеткой.

Дед тогда долго смеялся:

– Надо же, такие шлепанцы хорошие, что даже вольные народы позарились.

– Деда, они такие хорошие были – удобные, с розовыми цветочками, – практически страдальчески говорила я.

– А ты вспомни, как ты в них себе ногу поранила, и не жалея, – серьезно сказал дедушка.

И это я помнила. Ревела тогда, как дитя малое. Просто шлепки, правда, были слишком разношены, и нога совсем в не подходящий момент вылезла, и я со всей дури проехала большим пальцем об асфальт. Даже Мишина бабушка выбежала мне на помощь (всегда отдыхали на этой базе). Думаю, что ревела в основном из-за того, что увидела, сколько из меня крови хлынуло. Я тогда даже поверить не могла, что в пальцах ее такое количество. Потом ноготь долго был похож на сморщенное печеное яблоко, до этого раз пять прожаренное на костре.

Дед купил мне тогда плетеные босоножки, украшенные цветочками. Вот их я берегла, как зеницу ока – с ними купалась (не в них, а именно с ними). Когда мальчишки это первый раз увидели, то опешили, а потом повалились от хохота на песок. Да и было отчего, если учесть, что, сложив их подошва к подошве, перевязывала лентой, а затем прикручивала к... макушке и надевала наверх панамку.

– Ты, как улитка, – отсмеявшись до появления слез, – говорил Женя.

– Ага, – подтверждал Олег, – все свое ношу с собою.

– Так ладно шлепки, готовые распастись прямо на ноге, а другое дело – новые босоножки, – резонно замечала я.

– Да понятно, – хохотал Руслан, – в следующий раз дед плетеные лапти купит.

Какое-то время мы подурачились в воде, а к обеду решили сходить на вылазку.

За пляжем дорога густо заросла кустарниками и вербами, но можно было пройти, хотя мало кто ходил этой тропой. Вещи, а там и подстилки, и обед, и обувь, мы попросили посторожить молодую маму с девочкой лет пяти. Они сели в тень, потому что жара была в разгаре, недалеко от нас. Показались нам вполне надежными, поэтому наши пожитки доверили именно ей. Сказали, что интересно нам посмотреть на разлив Десны еще и с другой стороны. Она кивнула, и мы, лучезарно улыбнувшись, пошли по своим делам. Когда уже поднялись наверх, я спохватилась, что не соорудила на голове «гнездо босоножки», как говорила Катя, наверное, на манер сороконожки. Но вернуться мне не дали под предлогом, что там все наши «скарбы», а женщина на вид вполне надежная, так что за моими «золотыми» босоножками присмотрит.

За вербами была более-менее открытая местность, где сквозь песок кое-где проросла трава, но в ноги больно не было, песка все-таки больше. Это и была заброшенная база: домики стояли одиноко, пока с целыми окнами, но без жителей. Было жутко интересно, то есть немного жутко, но интересно, когда заглядывали в пустые окна. Вдоль стен стояли кровати с пружинами без постельного белья. Тумбочки, шкафы или какая иная мебель отсутствовала.

Я хотела забраться внутрь, но Олег сказал, что все окна плотно закрыты, да и двери тоже, поэтому не следует лезть в чужую собственность. «И почему говорят, что Олег прямо криминальный авторитет, да он, можно сказать, всеобщая совесть», – ухмыльнулась про себя.

В общем, пошли мы вглубь базы, где все было одинаково одиноким, а затем вышли на залитую солнцем полянку. Скажу честно, что место, как в сказке: поляна, хата, на крыльце сидит дед, бабка в хустке что-то моет, рядом алюминиевый таз сушится – красота! И тут сказочка стала немного странной: дед вскочил с места, увидев нас, схватил топор, да как помчится за нами.

То, что было страшно – ничего не сказать. Мы, куда глаза глядят, мчались, что есть духу. Несмотря на то, что трава здесь была жесткой, потому что превратилась в солому, мы бежали босиком, не оборачиваясь. Нет, раз обернулись, сразу же, как только «сказочный дедушка» припустил за нами, и увидели, что он бежит, не отставая. Остановиться смогли только возле болотца, по кромке которого попытались аккуратно пройти, чтобы не свалится в него.

К счастью, хоть тут нам удача сопутствовала, и мы выбрались неподалеку от пляжа, где оставили свои вещи.

Запахавшиеся, со стучащим в висках и сердцах адреналином, мы всю дорогу до дома обсуждали наш поход. Девчонки, все же не привыкшие к экстриму, сильно струхнули, но впечатлений явно было море.

Глава 3

Когда горчит малина

с. Пуховка Киевской обл. Июль, 1995 г.

25 июля у моей мамы день рождения. Дед, как обычно, встал очень рано, приготовил курочку и молодую картошку в горшочках – порционно для каждого члена семьи. Каждый год он позволял подобные излишества по праздникам – 26 апреля на мой день рождения, 25 июля – мамин, и на Новый год. Свой день рождения он не отмечал принципиально. К счастью, он был летом, поэтому я приносила в подоле платья всяких ягод, и клянчила, чтобы испек пирог себе в подарок. В 7 лет решила сделать ему полноценный подарок, и испекла пирог самостоятельно. Вернее это черное нечто полетело в мусорное ведро, а я еще полдня потом отмывала нашу летнюю кухню, но дед, к его чести, даже поцеловал меня в макушку и сказал: «Спасибо, Снегурка».

Когда дедушка вошел в комнату, я еще спала, но проснулась от его тяжелого вздоха.

– Доброе утро, – сухо сказал он. – Иди умывайся и завтракать. Уже 8 утра, скоро на огороде будет очень жарко.

– Деда, я же там уже все, что можно, выдрала.

– Малину нужно собрать. И клубника поздняя поспела.

Я вышла на кухню, и увидела, что стол ломится, а в моем представлении – это именно так, от всяких вкусных блюд.

– И что, можно все кушать? – робко спросила я.

– Да, – он вздохнул. – А ты себя в зеркало видела?

– А что? – не поняла я.

– Баклажан, – буркнул он.

И тут я вспомнила, что встреча с кулаком Олега, видимо, приобрела иной красному оттенку.

Посмотрела в ложку: помимо баклажана, там еще был желтовато-зеленоватый оттенок.

– Новая мода, – невинно поджав губы, молвила я.

– Ой, ешь уже молча, – отмахнулся дед. – Девочки в нашей семье все какие-то непутевые.

Я быстро лопала все, до чего дотягивалась.

– Такое ощущение, что тебя не кормят, – заметил дедушка.

– Меня кормят, – заглотила набитое, как утка, – просто иногда... мало.

– Хм. – Все, что на это ответил дедушка.

Я ушла на огород. Быстро пособирала сказанные ягоды, и вернулась в дом.

– Жарко там.

– Так лето ведь, – он улыбнулся. – А ты, как настоящая снежная Снегурка, прямо и растаяла.

– Да нет, – пожала плечами, и впихнула в рот ягоду клубники. – Люблю, когда тепло.

А где мама?

– Мне это тоже хотелось бы знать, – грубовато ответил дед. – Ладно, ты явно куда-то мылишься, – он посмотрел на меня, – так иди. Чтобы к пяти была дома.

– Деда, рано, – проныла я.

– Рано – это шляться неизвестно где до ночи, – грозно прервал мои стенания дед.

– Почему сразу «неизвестно где», – возмутилась я. – Ты же знаешь, что мы либо на «Голубой», либо на «Стреле», либо на «стрельнянском» пляже, либо на том, который дальше, или вовсе на «лягушатнике».

– Иди уже, а то у меня от твоих «либо» мозг закипает.

С небольшим раздражением дедушка снова отмахнулся от меня, как от главного ночного кровопийцы, появляющегося здесь летом, и пьющего, выпивающего всю нашу кровь... ну, от комара, я хотела сказать.

Встретились мы с небезызвестной компанией возле школы. Летом, стоит отметить, даже школа не казалась такой обителью зла, коей она была во время учебы.

– Привет, Снеженция, – поприветствовали меня в один голос Трио Справедливости.

– Привет, мальчики, – улыбнулась.

– На вот, подкрепись, – весело сказал Женя, и протянул мне пакет с пирожками.

– С вишнями? – с надеждой спросила я.

– Ага, – он кивнул, – с ними.

На «Голубой Десне» мы встретились с Катей и Лесей у дальних умывальников.

Они здесь располагались кругом и находились в конце базы и в начале. В начале я умываться не любила, потому что не очень хотелось, чтобы «официальная часть базы», как про себя ее называла, смотрела на мою неофициальную «рожу». Там располагались домики, казавшиеся мне более вычурными, а в конце главной дороги и вовсе возвышался кирпичный двухэтажный дом – невиданная роскошь. Внутри мы не были, в отличие от первых домиков. Там мы побывали, когда в прошлом году Лесе с Катей, если точно, то их дедушке, посчастливилось там отдыхать целое лето.

В основном Леся с Катей селились в 22 домике, который очень любили. Он располагался возле живой изгороди, которую регулярно подстригали, хотя она все равно походила на заросли; зато никто не бродил под окнами. Мы любили сидеть в беседке соседнего домика и обсуждать планы на ближайшие дни или вечера. Иногда мой дед разрешал «посидеть на «Голубой» допоздна, потому что там будут костер жечь». Это времяпрепровождение мне всегда нравилось больше всего, особенно та часть, когда мы закидывали в тлеющий костер картошку, и она спекалась в угольки.

Мы брали руками эти «угольки», перебрасывая, как заправский жонглер, чтобы не обжечься, очищали кожицу, а внутри нас ждало очень вкусное лакомство. Порой жарили хлеб на палочках или сало с хлебом. Дрова добывали различными способами: от веток по дороге до базы до воровства досок для заколачивания окон в нежилых домиках, которые хранил местный Д'Артаньян – Юрий Батькович. Как его отчество – мы не в курсе, да и не особо выясняли, особенно когда он застукал нас за очередным посягательством на деревяшки и гонялся за нами вдоль корпусов. Одним из бравых мушкетеров мы его нарекли, потому что он похож был на Боярского, сыгравшего главную роль в «Трех мушкетерах»¹. Как правило, наш украинский «Боярский» был подшофе, и догнать нас ему не удавалось. Так что костры мы жгли регулярно. Вернее они на базе их жгли регулярно, потому что мое присутствие в основном ограничивалось восьмью часами.

– Куда пойдем? – спросила Катя, когда мы встретились.

– Давайте на базе посидим, – предложил Олег. – Там, параллельно вашему домику поляна открытая, а я принес, – он достал из пакета (а я все думала, что у него там?) воздушного змея. – Сможем позапустить.

– Так ветра нет, – заметил Руслан.

– Ничего, мы найдем, – заверил Женя. – Вон Снежка вам пока нарисует «татушки», вы ж хотели.

– Да-а-а, – закивали сестрички.

Мы расположились на поляне, девчонки подставили мне свои плечи и вручили цветные ручки. Когда я, от воодушевления открыв рот и высунув язык, вырисовывала витиеватые деревца на плечах девчонок, Олег запустил «змея».

¹ «Д'Артаньян и три мушкетера» – экранизация 1978 года.

– Круто! – Мы в восторге заплодировали.

– Всё, девочки, если не мочить, то будет держаться, – сказала я, осматривая скептическим взглядом свою работу.

– Спасибо, Снеж! – с восторгом сказала Леся.

– Ты мастер, Снеж! – подтвердила Катя.

Я гордо задрала нос и вновь взглянула на воздушного змея, парящего в небе. Его «хвост» был сделан из воздушной материи в горошек...

– Ээ, Олежка, – осторожно начала, – я видела, кажется, у твоей матери юбку такую, нет?

– Да ну что ты? – он наигранно запротестовал. – Как я могу?

Потом он хитро сощурился, и опустил змея на землю.

– Ткань легкая – для хвоста отлично подходит. Да и что она такую длинную юбку носит?

Теперь короткая будет.

– Она тебя убьет, – пообещал Руслан.

– Та, – он засмеялся, – у нее будет повод прийти к твоей матери за очередной обновкой, потому что «ее оболтус испортил ей любимую юбку в горошек, а скоро учебный год начнется».

Я представила эту картину. Ольга Игнатьевна, мать Олега, точно бы нахмурилась, скривила губы, наморщила нос, рассказала бы сыну, какой он шалопай. Олег бы покивал и пошел по своим делам.

Она его жутко любила, какой-то нездоровой любовью. Порой, думаю, эти чувства на него давили. С отцом ему было легче. Тот не задавал лишних вопросов, помогал ему конструировать новые модели велосипедов или самокатов. Однажды его папа лично принес мне самокат, его Олег попросил. Сам же «друг мой сердешный» сидел и корпел над контрольной по математике в школе, которую прогулял ради такого интересного занятия, как «создание» велосипеда с огромным задним колесом и двумя маленькими передними. Я тогда очень радовалась, потому что все дети в селе имели свои средства передвижения, а я нет. А хотелось мне роликовые коньки или самокат, на крайняк велосипед. Потому что дедов был для меня слишком велик, да и не умела-то толком на нем ездить.

– Слушайте, – сказала Леся, окрыленная своей «татушкой», которую старалась выставить на всеобщее обозрение, – а за нашей базой есть еще базы, так на одной такие качели большие. Больше, чем эти у нас. Снежка ж любит качаться. Может, туда сходим?

– Да, да! – мои глаза заблестели.

Что я любила больше, чем похождения по заброшенным базам села Пуховка – это качели.

Я готова была просиживать, если была такая возможность, на них часами: взмывала на них практически до крепления, хотя «солнышко» делать боялась. В основном предпочитала сидеть и мечтать о чем-то своем, что-то придумывать, фантазировать. Потом это находило применение в моих рисунках. У меня даже есть рисунок, на котором изображены одинокие качели под цветущей вишней. Деду, кстати, этот неказистый рисунок, сотворенный мною в шестилетнем возрасте, очень нравился. Поэтому он занимал почетное место на стене в его комнате.

– Давайте, – согласился Олег, аккуратно складывая своего «змея в маминой юбке», как его назвал Женя.

– Слышь, Снеж, а о чем ты думаешь, когда на качелях качаешься? – вдруг спросила Катя.

– А? Что? – Идя по дороге, я уже погрязла в своих «воздушных замках». «Что будет, если меня допустить до качелей?» – подумала про себя.

– О, да ты уже где-то не здесь, – ухмыльнулся Руслан.

– Да нет, – запротестовала, – тут я. Просто задумалась о том, как хорошо здесь летом.

Даже начинаю верить, что люди не все злые и алчные.

– Снеж, ты от деда-философа заразилась философским бредом? – засмеялся Олег.

– Нет, просто, чего люди обижают других людей, животных обижают? – искренне спросила я.

– Животных обижают сволочи, а других людей – слабые люди, которых и людьми не назовешь, – серьезно ответил Олег.

До базы мы шли молча, наверное, каждый ударился в размышления. «И почему в головы детей иногда приходят подобные мысли?»

Позади мы оставили базы «Дельфин», «Строитель», какую-то неизвестную, и, наконец, попали на территорию нужной нам. Здесь было мало людей. Складывалось впечатление, что тут всегда малоллюдно и одиноко. Многие домики пусты, но было чисто, даже трава покосена. Мы сели с девчонками на качели и весело запели «Файну» группы «На-на», мальчишки вставляли свои пять копеек на моменте «фай-на-на», и мы каждый раз смеялись, прерывая свое «непревзойденное» исполнение.

– Тут хорошо, – сказал Женя, облокотившись на «спинку» качели, – Снежинки качели, да еще и почти заброшенная база.

– О, малинка, – я заметила чуть вдалеке от «нашей концертной сцены» разросшийся куст малины. – Идемте поедим.

– Пошли, – все согласились.

Дикая малина ведь, безусловно, вкуснее домашней. Поэтому мы с жадностью набросились на ягоды, не очень крупные, но сладкие, а потом я заметила в самой середине куста табличку желтого цвета.

– Смотрите, – обратила внимание всех. – Написано: «Радиация». Это сорт малины? – предположила я.

– Да нет, – мальчишки с серьезными и несколько озабоченными лицами потрогали табличку, – пойдете, наверное.

– А чего? – снова спросила я. – И если это не сорт, то что это?

– Гадость, – ответил Олег.

– Да чего, вкусная ведь малина... – Я заглядывала в его лицо, немного помрачневшее.

– Да ну ее, идем домой. Я помню, что радиация – это плохо, – сказала Катя.

– Странные вы, – обиделась я.

– Ну, это, как, знаешь, когда ядами обрабатывают, так вот это так, – путанно объяснил Олег.

– Так мы что, теперь отравимся и умрем? – с ужасом спросила я.

– От таблички? – весело сказал Руслан. – Думаю, вряд ли.

Домой вернулась рано, еще и 16.00 не было. Деда где-то не было. Мама была дерганная и «напраздновавшаяся». Заметно, что она не так давно встала с постели.

– Мама, – подошла к ней ближе.

Обнимать ее не хотелось совершенно, поэтому молча протянула ей свой подарок – самодельную открытку. Я сама ее разрисовала, приклеила ленту по обе стороны сложенного листа, чтобы открытка закрывалась-открывалась, а внутрь вклеила стихотворение про маму, которое нашла в какой-то книге, и вложила засохшую розу, сорванную с соседского куста в прошлом году. Из свежих цветов подарила ей букет из флоксов.

Нехотя мать развернула послание. Ее лицо стало приобретать какой-то нездоровый вид, она отшвырнула открытку, и та с легким шелестящим движением упала на пол.

– Я ненавижу розы! – орала она. – Еще и сухие! Как моя жизнь засохшие!

Вслед за открыткой по полу рассыпались флоксы.

– Прости, мама, – быстро сказала я, едва сдерживая слезы обиды. – Я просто хотела тебя с днем рождения поздравить.

– Что? Поздравила? – тихо спросила она. – Да лучше б меня вообще не было!

И она взывала от какой-то, казалось, нечеловеческой боли.

– Мама, а мы малину сегодня ели... – Я решила, что стоит перевести разговор в нейтральное русло. Мать меня, правда, не слушала, а начала раскачиваться вперед назад. – А в малине потом мы увидели табличку с радиацией какой-то, представляешь? – я старалась говорить быстро.

Через секунду поняла, что разговор повернул в такое русло, в которое лучше бы не поворачивал никогда. Мать вцепилась в волосы, и начала их драть на себе.

– Радиация? РАДИАЦИЯ?

Соседи уже наверняка услышали ее вопли; я замахала руками, а она схватила их и больно сжала.

– Да хоть бы тебя взяла та радиация! Почему она тебя не взяла?! Где мой сыночек? Где наш с Митенькой мальчик?! Это ты разъела меня изнутри. Митя сына хотел, а ты, тварь, родилась. Если бы не ты, он был бы со мной!

Она отшвырнула меня на пол, а потом уставилась куда-то поверх моей головы:

– Митя, я рожу тебе сына, ты только вернись ко мне!

Я с опаской обернулась на дверь, но не обнаружила никого. Вместе с тем мать умоляюще продолжала говорить что-то невидимому «Митеньке». Отцу моему, как я знала, который, по версии моей матери, бросил ее, потому что я родилась девочкой. Правильнее сказать: «Потому что я родилась». Если бы родился мальчик, все были бы счастливы.

– Митя, прости меня! Вернись ко мне. Зачем ты бросил меня? – Мать сидела на полу и выдирала волосы клочьями. Казалось, боли она не ощущает, хотя на голове стали видны раны.

– Мамочка... – тихо позвала я.

Я очень испугалась за маму, но и боялась ее саму. «Быстрее бы дедушка пришел», – от ужаса в моей голове билась только это мысль.

– Ты? – она ошалело на меня смотрела. – Митя сказал, что если я тебя убью – он будет со мной!

Я ползла по полу, потому что встать просто не могла, ноги как-то не слушались.

Глаза у мамы были налиты кровью, а клочки волос разбросаны по комнате. И тут мать набросилась на меня с ножом. Она достала его из-под подушки и резко полоснула меня по ключице. И то только потому, что я вовремя увернулась, иначе удар бы пришелся по горлу. Помню, что в ужасе уже не могла говорить, только зажимала рукой рану, откуда медленно стекала кровь. Перед глазами все поплыло, сердце чья-то невидимая рука сжала с такой силой, что я не смогла дышать, а только хватала воздух ртом, в ушах, где-то очень далеко, слышалась целая какофония звуков, криков.

Я не знала, что дедушка вернулся через пару минут после того, как я потеряла сознание. Оказалось, что Петровна услышала крики и отправила Виталика за Анастасией Ивановной, сама же побежала к соседу – Витьке, здоровому такому мужику, чтобы он устроил «снова вопящую Аньку». Собственно, как потом говорил дед, жители села собрались на удивление быстро и вовремя. Когда он пришел, мать забирала «скорая», а меня осматривала Анастасия Ивановна.

В сознание я пришла довольно быстро. Медики, бегло осмотревшие меня, констатировали, что «с девочкой что-то не так». Анастасия Ивановна сказала, что знает, что делать, поэтому их отпустила.

– Ростислав Андреевич, – к дедушке подошел участковый, который иногда любил учить меня жить, – ваша дочь напала на своего ребенка. Это подсудное дело. Но, она, похоже, невменяемая.

Дед устало посмотрел на него, потом бросил взгляд в сторону кровати, на которой лежала я, а рядом сидела Анастасия Ивановна.

– Вы же понимаете, что это лишение родительских прав? – продолжал участковый – Трофим Александрович.

– Родительские права на мне... – еще более уставший голос деда.

– Это де-факто, а вот де-юре... – Трофим Александрович всегда дотошно (до тошноты – это точно) выполнял свою работу.

– Де-, не де-, – резко сказал дед. – Оформим на меня права, она же внучка. Но пока ее в больницу надо, в Киев, а потом все остальное.

Анастасия Ивановна грустно посмотрела на деда, убрав стетоскоп, которым слушала мое сердце.

– Очень нужно в Киев, – подтвердила она, – слишком сильная тахикардия, сменяющаяся аритмией, очень нехорошо. – Анастасия Ивановна покачала головой, а участковый снял свою бессменную кепку.

«Кепку снимают, когда кого-то хоронят», – подумала я и отключилась снова.

Маму, как потом узнала не от деда, а от Олега, забрали в психиатрическую клинику в Киеве. Олег с ребятами пришел меня провожать к дому, когда дед через день после случившегося, собрав мои пожитки, оставил меня пока посидеть на скамейке у дома.

Шепотом мальчишки рассказали мне, что знали сами. Им же, вытирая глаза платком, поведала Наталья Петровна. Мои Трио Справедливости смотрели на меня как-то слишком грустно и серьезно. Я же тоже не склонна была оптимистично шутить или вообще улыбаться.

– Ты держись, Снеж. Всё, как обычно, подлатают тебя, и вернешься. – Вяло, но Женя пытался ободрить. – Кстати, вон Петровна нам, когда шли к тебе, сунула вареники с вишнями, а моя мать – пирожки с капустой и с вишнями.

– Спасибо, – тихим и немного осипшим голосом поблагодарила я. – Если там долго буду, приезжайте меня навестить, пожалуйста. – В тот момент мой голос прозвучал умоляюще.

– Обязательно, малая, как мы без тебя? – заверили они меня. – Трио Справедливости тебя не бросит.

– Кстати, тебя и Катя с Лесей будут проведывать, у них скоро путевка заканчивается, так они домой поедут, в Киев. – сказал Руслан. – Держи нос пистолетом.

– Хвост, – я кривовато улыбнулась.

– И его тоже, – согласился Руслан.

Дедушка вышел из дома, закрыл дверь, сел рядом со мной на скамейке.

– Ну, посидим на дорожку, да поедем, – сказал он. – Идите, оболтусы, нам пора.

– Они рыцари, – я снова улыбнулась, уже чуть поярче, чем до того.

– С этими рыцарями нет никакого спасу, – сказал дед, взял мой рюкзачок, и мы пошли к остановке.

Я рассматривала мозаику, изображавшую каштан, которым увенчалась остановка, когда к нам подошла Анастасия Ивановна.

– Береги себя, Снежана, – она улыбнулась своими голубыми глазами, – ты главное пережила – в день своего рождения, поэтому теперь твоя задача – жить.

Я заметила, что дед нахмурился, и, может, даже собирался как-то осадить «молодую, но странную врачиху», как ее величал. Но она дала ему в руки мою карту, направление и авоську каких-то гостинцев, от которых слишком независимый Ростислав Андреевич планировал отказаться, но Анастасия Ивановна оказалась настойчивее старого военного.

По дороге я смотрела в окно и думала, что имела ввиду Анастасия Ивановна, когда вспомнила о дне моего рождения? Все ведь рождаются одинаково, в роддоме какого-то города или села...

Глава 4

Мать-и-мачеха

Киев. Июль-август, 1995 г.

И снова коридоры, снова стены, выкрашенные зеленоватой краской, снова одинокие двери палат...

– Снежана, – на встречу мне идет моя любимая Маргарита Степановна, – а я думала, куда это пропала наша девочка?

– Здравствуйте, Маргарита Степановна, – вежливо поздоровалась я, потому что кого-кого, а ее очень уважала.

– Какая-то ты грустная. Плохо очень? – обеспокоенно спросила она.

– Да нет, Маргарита Степановна, просто очень рада вас видеть.

Доктор недоуменно посмотрела на меня.

– Так рада, что аж погрустнела? – спросила заведующая и улыбнулась.

– Да нет, рада, что вас вижу, но не рада, что снова здесь.

– Я понимаю, детка, но у тебя всё впереди, – мягко сказала она. – Ты вырастешь и, поверь, будешь здоровенькой.

– Ага, – я кивнула.

Ко мне подошел дедушка с документами.

– Добрый день, – он поздоровался с Маргаритой Степановной, – вот, препоручаю вам внучку.

– Добрый, Ростислав Андреевич, – она протянула руку за документами, – забираю, чтобы вернуть здоровенькой и веселой. Что ж ваша Снежка, такая обычно веселая и готовая проказничать, увы, – она ласково на меня посмотрела, – сейчас будто с креста снятая?

– Да, – он нервно потеревил подбородок, – у нас кое-какие проблемы были, она пере-нервничала.

– Ну, вернем, значит, ее более жизнерадостной, – заверила она. – Только учти, Снежка, побег из больницы карается...

– ... согласно самой страшной статье закона, – выдала я и слегка улыбнулась.

– Да, виноградным уколом, – пообещала она.

Такой термин лекарству придумала я. Что-то виноградное, вроде как, в нем содержалось, поэтому я так и назвала эту пытку для моей пятой точки – «виноградный укол». Помню, когда мне его кололи, не могла потом сесть еще несколько часов, да и ходила с трудом.

Утро в больнице начиналось с ежедневных замеров температуры тела, поэтому, запихнув подмышку градусник, я продолжила досматривать какой-то интересный сон. Снилось, что на улице идет сильный дождь, и я нашла заброшенный домик, окрашенный голубой краской, местами облупившейся. Я захожу в этот дом, а с крыши на меня продолжает капать вода.

– Снежана!

«Ну, вот кому не спится?»

Я раздраженно открыла один глаз и посмотрела на своих соседок по палате. «Так, рыжая, блондинка, рыжая, каштановая... а, вот, самая старшая, светленькая с совсем раскосыми глазами, но внимательная к окружающим – Анютинкина глазка».

– Да, Анютонька, – сонно сказала я и потянулась на кровати. – Потом спохватилась и успела поймать чуть не упавший на пол градусник.

– Снеж, меня ж Лилей зовут, – она посмотрела куда-то своими красивыми, но раскосыми-раскосыми глазами.

- Да помню я, помню, но у тебя глаза такие...
- Косые, – вздохнула Лиля.
- Сама ты, прости, косая, – сгоряча сказала я, потом, помолчав, добавила. – Да, косые, зато красивые. У тебя такие зеленые, как я хотела бы, чтобы были у меня, а не болото.
- Спасибо, Снеж, – она улыбнулась, – сколько тебя тут встречаю, а ты всё не меняешься.

Да уж, встречались мы с ней часто. Первый раз, когда мне было пять лет. Я тогда очень тосковала по дому. Еще и как раз с ребятами начали плотно общаться. Да и осень в разгаре – дождь, слякоть, на меня напала тоска, и я, забившись в коридоре за кадку с каким-то свисающим до земли растением, сидела и тихо рыдала. Как и говорила, дома мне не очень рады были, но я привыкла уже к реке с умопомрачительным течением, к базам отдыха, которые уже к этому времени, наверное, опустели, но всегда была лазейка, где можно проникнуть на охраняемую (не очень, по правде) территорию. Такой рыдающей меня и застала Лиля. Она проходила лечение в этой больнице регулярно, но сегодня я увидела ее впервые. Она присела рядом со мной на корточки и легонько вытерла мое зареванное лицо платочком.

- Домой хочешь? – спросила.
 - Да, хочу, – ответила я и всхлипнула.
 - Все хотят, – вздохнула она.
 - И ты хочешь? Ты ведь взрослая. – С детской наивностью я сказала это тринадцатилетней девочке.
 - Ну да, я уж и старая, – засмеялась она. – А пойдем вместе со мной на процедуры?
 - Ты пойдешь со мной? – Дети всегда смотрят на старших, проявивших к ним внимание, с благоговением.
 - Да, я тебе очередь заняла в кабинет. – Она помогла мне встать на ноги, поправила косы, как заботливая мама.
 - Мне? – я поразилась. – Честно?
 - Честно-честно, – серьезно сказала она. – Давай, бегом пошли, а то если Маргарита Степановна не увидит записи в карте, что ты прошла процедуры, будет ругаться.
 - Не, Маргарита Степановна не будет, – я улыбнулась.
 - Будет-будет, – заверила меня Лиля. – Она ругается только в одном случае...
 - В каком?
 - Когда плохо выполняешь предназначения. И тогда, – она сделала очень скорбное выражение, – в наказание – удваивает, а то и утраивает количество процедур, и ты будешь здесь лежать, пока все не пройдешь.
 - Ужасно! – моя губа снова задрожала.
 - Так, – Лиля топнула ногой и уставилась на меня своими раскосыми, но такими зелеными-зелеными глазами, – а будешь хныкать, кардиограмма покажет три прямых линии.
 - И что? – Я не поняла этой угрозы.
 - И всё. – Спокойно ответила Лиля и, взяв меня за руку, повела в процедурную.
- Это потом поняла, что прямые линии на кардиограмме означают полную остановку сердца, а значит – смерть, но тогда я долго думала, что ж хотела мне этим сказать наша терпеливая Лиля. Она, как самая старшая, всегда возилась с младшими. Сейчас, я знала, ей исполнилось 17 лет, и она поступила в какой-то институт. Говорит, что одна из преподавательниц вуза сказала, что Лиля, мол, специально справку взяла, что в больнице лежит, чтобы не отрабатывать практику перед учебой. Я тогда пожелала той преподавательнице такой «липовой» справки. «Как же я ненавижу учителей!»

- Снеж, – сказала наша Анютина глазка, – тебе кошмар ночью приснился?

– Да? – как-то не верилось. – Никаких кошмаров не помню. Ну, снился дом какой-то, но ты мне его досмотреть не дала. Вдруг бы то деревянное облупленное корыто в замок превратилось. Теперь я этого не узнаю, – весело сказала я, отложив градусник.

– Ночью ты кричала, – пояснила Кира-шатенка, – наверное, все отделение проснулось.

– Я не помню, – озадаченно ответила я.

– Ну, то и лучше, – с улыбкой сказала вошедшая Авдотья Петровна, мой личный парикмахер.

– Авдотья Петровна, – я весело помахала ей градусником, – это вы сегодня дежурите?

– Подопытная моя кошка-Снежка, – так же весело сказала она, – не размахивай градусником, а то заставлю мерять температуру снова.

– А, нет, забирайте, пожалуйста! – чинно положила градусник на две ладони и склонилась в поклоне перед нашей медсестрой, как преданный слуга перед господином.

– Кстати, – я хитро посмотрела на Авдотью, – а тренироваться на кошках вы сегодня будете?

– И повернулась к ней спиной, по которой струились уже лохматые кудряшки.

– Обязательно, – Авдотья Петровна забирала градусники, попутно отмечая, что-то в записях, – только все необходимое сделаю, и приду разгребать твою гриву.

– Заметано! – сказала я и вскочила с постели.

Как оказалось, вскакивать не стоило, потому что у меня снова зашумело в ушах и закружилась голова. Благо, меня подхватил и усадил на кровать вошедший врач. Молодой и довольно симпатичный, он заставил меня смутиться, покраснеть и опустить глазки. Девчонки в это время тихо посмеивались, а он увидел повязку на ключице, синяк под глазом, и этого ему хватило, чтобы, как ошпаренному, выскочить из палаты.

– Чего это он? – спросили мы с Лилей у Авдотьи.

– Ты его засмутила своим боевым раскрасом. – И медсестра градусником обрисовала в воздухе область моего синяка, который потихоньку начинал сходить.

– Ну, если он такой нервный при виде поджившего синяка, то что будет, если он будет резать? – скептически произнесла я.

– Так он не хирург, Снеж, – сказала Петровна, – он педиатр будущий. Тут он практикуется.

– Ааа, так он молодой и зеленый, – протянула я.

– Да не зеленый, он же шатен, – сказала рыжая Ира.

– Зеленый шатен звучит, как новый вид грибов, – засмеялась я.

– Вижу, Снежана, сегодня твое настроение улучшилось? – В палату вошла Маргарита Степановна; рядом стоял молодой доктор.

– Здравствуйте, Маргарита Степановна! – Мы все поприветствовали нашу любимую заведующую отделением.

– Пойдем со мной, детка, – сказала она, обращаясь ко мне, и вышла, пожелав девчонкам хорошего отдыха и эффективного лечения.

Я недоуменно на нее посмотрела, высунулась из кровати, потом залезла под нее в поисках тапочек, затем связала, как выразилась Авдотья, гриву, и явилась пред светлы очи Степановны в ее кабинет.

– Заходи, Снежка, – предложила она мне. – Хотя если хочешь, то нас ждет наша любимая скамейка во дворе и яблоки. – Она взяла со стула, на котором стояла ее сумка, кулек с яблоками.

Я радостно закивала. Вот наши посиделки – это единственное, что могло радовать в больничных буднях.

Скамейка стояла в тихом, укромном уголке за деревьями, голуби склевывали с асфальта брошенный заботливыми пациентами хлеб. Вот особо важный голубь хорохорится возле спокойной и скромной голубки. Я улыбнулась и подумала, что это можно даже нарисовать.

– Снежана, ко мне пришел Илья Ильич, – начала она, – наш молодой врач, попросил меня с тобой поговорить по одному деликатному вопросу. – Она неловко потерела халат и протянула мне яблоко.

– Мытые, ешь, а то завтрак ты с этими разговорами пропустишь. Хотя я попросила, чтобы твою порцию оставили.

– Да не нужно, – я отмахнулась, – и разговорами сыта.

– Взрослеешь ты детка... – Она посмотрела на меня внимательно, легко провела пальцем по моей щеке, по которой пришелся кулак Олега.

– Вы что, об этом хотите поговорить? – догадалась я.

– Да, Снежана, – она кивнула, – как так получилось? Скажи честно, тебя дома обижают?

– Кто? – не поняла я. – Олег? Это он от неожиданности меня стукнул. Да и то, после того, как его стукнула я.

– А Олег – это...?

– Олег – это мой друг, – терпеливо пояснила. – Мы с ним пошли яблоки добывать, он меня не удержал, и я упала. Было больно, поэтому я ему каааак дала! А он еще в себя не пришел после моего падения, а тут удар, вот он и мне заехал. Потом долго извинялся.

– Как же можно девочку-то бить? – Маргарита Степановна покачала головой.

– Маргарита Степановна, это бывает очень редко, а так, чтоб с синяком, вообще в первый раз. А вот сколько раз он чистил носы за меня! – я подняла вверх указательный палец. – Настоящий джентльмен.

– А тут рана. – Она легонько махнула рукой в сторону ключицы, и я отвернулась.

Хорошее настроение разом пропало. Ко всему прочему я вспомнила тот кошмар, от которого, как говорили девочки, кричала так, что перебудила отделение. Бывает, что ходишь неделю, а потом вдруг в мозгу всплывут картинки ночного видения недельной давности. Так и я сейчас резко вспомнила, что мне снилось, будто хожу среди зарослей малины, а она раздирает мне ноги; ягоды становятся сморщенными и черными, когда хочу взять одну в рот; мама, абсолютно лысая, бежит за мной в этом малиннике, держа в руках табличку с надписью «радиация» и кричит: «Чтоб ты сгорела!» Наверное, я всхлипнула, потому что Маргарита Степановна обняла меня за плечи.

– Снежка, тебя дома, – она мялась какое-то время, – бьют?

– Меня? – посмотрела на нее грустно и удивленно. – Лозинкой иногда дед лупит, а в прошлый раз не бил, а заставил печку чистить.

– Но это ведь... – Маргарита Степановна не знала, что сказать.

– Маргарита Степановна, я вам расскажу то, что вас интересует, но дед меня убивать не будет и не хочет, – честно призналась я, и самой себе в том числе.

Я поведала Маргарите Степановне о черном дне 25 июля. Она меня обняла крепче и сказала, что, увы, мамы не всегда любят своих детей. И на то бывают разные причины – от объективных – до плохого характера и внутреннего эгоизма.

– Полынюшка, горько тебе? – спросила она. – Ты с возрастом лучше поймешь обстоятельства, которые так повлияли на поведение твоей мамы.

– Горько мне, Маргарита Степановна, – призналась я, – не понимаю, зачем было меня рожать, чтобы потом так ненавидеть?

– Снежана, расскажу тебе одну историю, а ты ведь не глупенькая – возможно, в ней сможешь найти ответы на свои вопросы.

Я грустно посмотрела на нее, но то, что она расскажет мне историю, несказанно меня радовало. У нее был такой спокойный, не похожий ни на чей, голос.

– Ты знаешь, что из себя представляет растение мать-и-мачеха? – спросила меня Маргарита Степановна.

Я отрицательно покачала головой.

– Это лечебное растение. Его листочки снизу будто припорошены мукой, кажется, что они поросли мягким пушком. Эту часть в народе называют «мать». На самом деле, сторона, имеющая «волосяной» покров, хуже испаряет воду, в отличие от верхней – гладкой – «мачехи». Это способствует тому, что нижняя часть мягче и теплее на ощупь. – Но бывают причины в жизни, которые превращают мать в мачеху, а иногда и наоборот.

– И у вас так было? – спросила я.

– Вот расскажу тебе все с начала сотворения мира, тогда и узнаешь. – Она протянула мне еще одно яблоко. Я вгрызлась в него и стала слушать, с чего ж начинался мир Маргариты Степановны.

– Моя бабушка, ее звали Мотря, родилась в 1888 году, – начала свой рассказ Маргарита Степановна. – Она была обычной сельской женщиной, жила в селе Киевской области, как ты, Снежана. Только в другой стороне от твоей родной Пуховки. Замуж она вышла за моего деда Василя, который не особо-то ее любил. Просто она была более состоятельной, нежели его возлюбленная. Ну, тогда законы такие были: выдавали замуж и женили на тех, на ком выгоднее. Но, как это в основном и бывает, он был не слишком счастлив, много пил, что в итоге и привело к тому, что дружки отправили его на тот свет. – Маргарита Степановна вздохнула, припоминая какие-то факты. – У них с Василем была дочь – Александра, моя будущая мать, – продолжила Маргарита Степановна. – После того, как овдовела, бабушка стала жить с таким же вдовцом, как и сама – дедом Киндаром. Он был интересный и беззлобный, – врач улыбнулась. – Он все время с трубкой в зубах ходил. Однажды за водой пошел к колодцу, и уронил в него свою драгоценную курительную трубку, да лишь махнул рукой: «Только, бедна, зашипела».

Мотря работала у польского пана в доме поваром, что более почетно, нежели на ланке. Бывало, что надбитую, с трещинками и щербинками посуду отдавали в дом моих мамы и бабушки. Кстати, в будущем этот дом стал школой, в которой я училась.

– Так вот, моя мать, Александра, или же Санька Біла, как ее называли за белокурые волосы и светлые глаза, родилась в 1911 году в сентябре. Как и ее отец женился не по любви, так и Саню выдали замуж насильно, в 1929 году. Мой отец был богатым по меркам того времени.

Он унаследовал дом и землю в селе Нежиловичи Киевской области, куда забрал мою мать.

Но она сбежала буквально через два месяца в село Людвиновка. И тогда отцу пришлось продать имущество и отправиться вслед за ней. Там родились мы – я и моя сестра Галина.

На территории, которая принадлежала пану, построили дом. Посадили две яблоньки, потому что больше деревьев садить не разрешалось. Отец работал ездовым – на лошадях вывозил собранный урожай с полей.

Моя мать до замужества с отцом очень любила парубка – Пилипа, но, как я и говорила, быть вместе им не суждено. Отец был очень добрым, и я, как две капли воды, на него похожа.

– В этот момент Маргарита Степановна улыбнулась своим воспоминаниям, а потом ее лицо стало жестче. – Это сходство больше всего и раздражало мою мать. Ее вообще раздражало все, что связано с моим отцом, включая и нас с сестрой. Она очень обижала отца своим отношением; тем, что, не стыдясь его, устраивала гулянки и попойки, а мы с сестрой Галиной ходили голодные.

Во время очередной попойки отец вернулся домой и застал мать в окружении компании. На столе стояла тарелка с запеченным петухом, бутылка самогона. Я сидела в кустах у дома, не решаясь зайти, и тут в мою сторону полетел этот жареный петя. С огромным детским восторгом, подкрепленным голодом, я схватила с земли это недоступное нам кушание, и вцепилась в него зубами. – Маргарита Степановна грустно улыбнулась.

– Папа сильно мучился, живя с моей матерью. Дошло до того, что он чуть не наложил на себя руки, но, к счастью, всё лишь закончилось разводом. Отец ушел жить к женщине с двумя детьми. Елена любила папу еще до его женитьбы на моей матери, поэтому просто не могла поверить своему счастью.

Я дружила с его новоиспеченной семьей. По крайней мере, мне там были рады, в отличие от моей собственной. Вася, пасынок моего отца, меня не любил, вернее ревновал ко мне.

А с его сестрой Галочкой мы дружили.

Очень я папу любила. Он всегда находил для меня время, слова утешения. Порой садил меня на колени и успокаивал, если меня обижали соседские мальчишки. Семью нашу недолюбливали; нас из-за маминых походов обзывали всякими словами. Сама понимаешь, деревня – это одна большая «Кайдашевая семья», где все обо всех всё знают, сами судят и сами приводят приговор в исполнение.

В этот момент я посмотрела в лицо Маргарите Степановне: «Надо же, сколько судеб искалечили какие-то глупые законы», – подумалось мне. Одно только меня радовало – этот человек не зачерствел, она очень добрая, а как она детей спасает... «И я так буду стараться – быть человеком, во что бы то ни стало!» – с жаром решила я.

– Однажды я обиделась на своего отца, – грустно, почти со слезами, продолжила моя «подружка по несчастью», – он шел за руку с Васькой, и когда они поравнялись со мной, отец даже не глянул в мою сторону. До сих пор не знаю, может, он меня попросту не заметил, а может, сделал вид. Но со своей обидой я так и прожила всю жизнь, вернее уже не с обидой, а с болью. Потому что то была детская обида, а отца после этого я ведь больше не видела, аж до самой похоронки, которую мы получили с фронта...

Маргарита Степановна невзначай протерла глаза носовым платком.

– А что такое похоронка? – спросила я.

– Это извещение о смерти. Когда человек погибает на войне – это единственный документ для его семьи, подтверждающий гибель, – объяснила Маргарита Степановна.

– А может так быть, что похоронку прислали, а человек жив?

– Может, – ответила Маргарита Степановна. – И во время войн это случалось часто. Бывало, увы, наоборот. Когда близкие верят, что их муж, сын, брат жив, а он, оказывается, давно уже покоится, дай Бог не в братской, могиле. Но мой отец погиб, к сожалению. Поэтому не обижайся на близких по пустякам, Снеж.

Я вздохнула, подумав: «Как в детстве можно отделить пустяк от чего-то серьезного?»

– Елена отдала часть суммы, которая прилагалась к похоронке, моей матери. Каждый раз теперь, когда встречала меня на улице, она плакала и обнимала меня, называла именем папы. Вот это тот человек, кто меня по-настоящему любил. – Маргарита Степановна посмотрела на мое, скорее всего, вытянувшееся лицо. – Я не буду утомлять тебя рассказами о наших военных похождениях, поэтому буду заканчивать:

– После войны моя мать во второй раз вышла замуж. Мужа своего она очень любила и боготворила. Мы же с сестрой его боялись и ненавидели. Часто он напивался и дебоширил. Возьмет доску огромную, а он здоровый боров был, и колотит по соседским заборам. Я была совсем девочкой, когда мать отправляла меня делать за него его работу – тягать впереди себя большущие снопы сена, когда ее благоверный почивал в кровати после очередной попойки. Помню, что ждала, чтобы мне исполнилось 16-ть лет, чтобы уехать в Киев. И все равно, куда и зачем, главное – подальше от родного дома и «любящей» матери.

– От этого борова она родила двух дочерей – Надежду и Любовь. Вот они-то были обласканы и любимы, ходили в новых нарядах. Когда как мы с сестрой Галиной носили латанные-перелатанные платья, или вовсе с дырками. Понимая свое превосходство и что им все дозволено, девочки выросли эгоистичными. Я, уже зарабатывая, привозила маме и им деньги и всякие гостинцы, чего им все равно казалось мало. Когда мы с дочерью приезжали в село

навестить мою мать и ее бабушку, то «любящая» баба Саня крикнула на маленькую мою дочку, когда та хотела взять пару ягод клубники: «Не трогай, не займай, приїдуть діти».

Вот и получилось, моя хорошая слушательница, что всю материнскую любовь она отдавала младшим детям и внукам, а старшие для нее вовсе не существовали.

– Вы ее ненавидите? – в сердцах спросила я.

– Нет, Снежка, я не испытывала к ней ненависти. Скорее обиду детскую и непонимание, почему такое неравенство между детьми. – Маргарита Степановна ласково посмотрела на меня. – У меня семья, где все любят друг друга. Есть двое любимых внуков, двое взрослых любимых детей, между которыми я никогда не делала разницы. А моя мама, царство ей небесное, увы, очень тяжело и долго болела, и до ее смерти за ней ухаживала нелюбимая первая дочь Галина.

Маргарита Степановна положила руки на белый халат, намереваясь встать.

– Получается, что вам тоже так не повезло? – спросила я.

– Не так, как тебе, иначе, но, к сожалению, таких судеб очень много.

– А вы общаетесь с теми двумя сестрами?

– Общаюсь иногда, но разница в возрасте слишком велика, чтобы они поняли, что же было на самом деле. Всё, что помнят их дети – это качельки возле дома, а моя дочь помнит, как бабушка ей ягоды пожалела, будто она не такой же ребенок, не родная ей кровь.

– Я б им все сказала! – Я с силой сжала руку в кулак.

– Ты, как моя внучка. Она тоже пообещала, что все скажет и за меня постоит! – Маргарита Степановна погладила меня по волосам.

– Вот и молодец внучка, – серьезно сказала я. – А не скажет она – скажу я! Когда-нибудь обязательно вспомню всех, кто сделал мне добро, а кто причинил зло.

– Лучше вспоминай добро, Польшюшка, – улыбнулась врач, – так жить легче.

– А я помню добро, и даже если его мне сделали случайно, как вон Лиля, которая со мной в палате лежит. Но с несправедливостью тоже мириться не буду!

– Не разгорайся, детка, а то сердце снова заболит. – Вот так мягко мой пыл, как умела только она, осадилла самая лучшая заведующая больницы, и мы ушли на обед.

Глава 5

В мире стереотипов

с. Пуховка Киевской обл. Сентябрь, 1995 г.

Вернулась я домой в конце августа. К тому времени моих соседок по палате уже выпи-сали, так что дольше всех в «казенном доме», как гадалки-цыганки говорят, провела я. После своей выписки через неделю меня Лиля провела, принесла мне «Українські народні казки» и кулек яблок.

Стоит отметить, что сказки были специфические, но интересные, с таким изобилием чертей, как в нашей школе (учителей я имею в виду). Вот чертяка на бочке – это точно наша математичка Ольга Игнатьевна, мать Олега. Я потом даже нарисовала ее, сидящую на бочке, в горошковой юбке, из-под которой выглядывали копытца в туфельках, а из химических кудрей торчали рога. В руках, поросших густой шерстью, она держала мою тетрадь и готовилась ее съесть. Когда позже я показала свое творчество Олегу, он сначала молчал, и я подумала, что обидела его – мать ведь, а потом он смеялся целый день. Кстати, юбку Игнатьевна действительно перешила, сделав ее короче.

Сразу после того, как дед забрал меня из больницы, мы зашли к Анастасии Ивановне.

– Как здоровье, Снегурочка? – ласково спросила она. – Здравствуйте, Ростислав Андреевич.

– Здравствуйте, – буркнул дед.

Я покосилась на него, потому что подумала, что он теперь постоянно будет бухтеть. Всю дорогу до автостанции он молчал, потом всю дорогу домой. «Может, я чего-то не знаю?», – я задумчиво посмотрела на дедов профиль.

– Легче стало? – спросила наша фельдшер.

– Ага, – я кивнула. – Сказали, что я псих. – На меня уставились дед и Анастасия Ивановна. – Ну, сказали, что на нервной почве у меня развилась та... хикардия и аритмия одновременно, – нерешительно добавила: – вроде.

– Да, вроде того. Еще вижу по записям в карте, что порок пока купируется медикаментозно, – сообщила врач, обращаясь к моему деду.

– То есть, операция не нужна будет? – спросил он, наконец, сев на стул рядом со столом фельдшера.

– Операция пока действительно не нужна, но, что еще покажет взросление? Если Снежана сильно вытянется, если в весе наберет и прочие факторы.

Я слушала это и думала о том, что в росте точно не наберу, у меня даже дед не слишком высокий, а в весе – и подавно. Взглянула на него еще раз и подумала, что с таким настроением он, наверное, сидит у телевизора и не шевелится.

– Ясно, будем следить, – сказал он и поднялся со стула. – Идем, Снегурка, пора домой.

Дом казался каким-то запущенным. При том, что мать его и так не убирала, этим занимались мы с дедом, но сейчас, видимо, ему было не до того. Занавески на окнах плотно зашто-рены, поэтому солнечный свет и вовсе не проникает. Кровати разобраны, будто мы только вчера поспешно уехали. Правда, разбросанных цветов и открытки – моего подарка маме – не было.

– Деда, давай окна откроем, – попросила я.

Он кивнул. Его брови были сведены у переносицы, он все время хмурился. Потом я увидела, что зеркало в шкафу завешено черной тканью.

– Деда, что это? – Я провела рукой по ткани и сразу одернула, будто черная материя обжигает.

– Мать твоя в больнице скончалась, – без эмоций в голосе, без скорби или грусти сказал он.

Я ощутила болезненный укол в сердце и поэтому села на кровать.

– Она меня ненавидела, – сказала тихо, – но я так надеялась, что она изменит свое отношение ко мне.

– Аня была несчастной девочкой, – вздохнул дед. – Не стоит ее винить.

Он резко подошел к двери:

– И давай, до начала учебного года два дня осталось, делай свои домашние задания.

1 сентября, все нарядные, с бантами и цветами стояли «на линейке» во дворе школы. Вместо белых бантов дед повязал мне на голову черный платок, потому что Наталья Петровна сказала, что так принято. Я чувствовала себя так вроде на меня уставились сотни глаз, а не на директрису, бодро рассказывающую о перспективах нового учебного года.

– Учіться, діти! Ви – наше майбутнє! Школа для вас, як рідний дім, а вчителі, як батьки.

От этого потока сладкой лжи я тихо ускользнула к мальчишкам, стоявшим поодаль от нашего класса. Конечно, они ведь старше. Я встала за спиной у Олега.

– Привет, малая, – сказал он. – Ты как?

– Нормально, – просто ответила я, – ничего нового не произошло.

– Дык, еще не хватало, чтобы еще что-то произошло, – заметил Руслан.

– Смотрю, твоя маман, Олежка, в новом наряде, – иронично заметила я.

Я смотрела на Игнатьевну, похоже, не слишком удачно сходящую в парикмахерскую, потому что ее кудрявая барашка теперь была похожа на паклю, которой наш школьный сантехник Васяка краны чинил. Однажды Женька «одолжил» у него косичку пакли, прикрепил обручем своей одноклассницы Иванки, и пришел на урок физкультуры. Наш физрук, дядька суровый, тогда гонял его кругом десять по школьному стадиону. Кроме того, математичка – леди Несовершенство, как по мне, обрядилась в розовое облегающее платье и прицепила к груди, как орден, брошь, которая мне напомнила кактус.

– А тепер, діти, знову на вас чекають шкільні лави. Вітаємо з початком нового навчального року! – Наша директор, как всегда, была горда собой, в вышиванке, с косою вокруг головы.

– Еще б венюк на голову нацепила, – сказала я мальчишкам и скривилась.

– Да, Снежка, школу ты любишь так, как собака палку, – сказал Руслан.

– Кстати, надо сходить Найду проведать после уроков, у нее щенки появились, – вспомнил Женя.

– Уже? – обрадовалась я. – Надо что-то в столовой ей стащить.

Найда – это, как я ее называла, «базовая» овчарка. Жила она на «Голубой Десне» возле стадиона, где мы летом ловили ящериц. Иногда она недоуменно смотрела, чего мы там делаем, рыская в пожелтевшей траве. Когда какая-то ящерица отбрасывала хвост, мы показывали его Найде. Она обнюхивала и натурально «по-человечески» кривилась. Иногда Найда гуляла по «Стреле», и маленькие дети ее боялись. Я не знала, сколько ей лет, но у нее была седоватая морда и такие несчастные глаза, что казалось, что она уже очень пожилая собака. Хотя у нее даже щенки появились. Я бы хотела одного домой забрать, но деда это явно не обрадует.

«Як ви провели літо?» Каждый год эта тема раздражала своей банальностью. Учителя к этому первому уроку явно готовились только внешне: прически, платья, броши, вышиванки, а вот содержание, как обычно, оставалось, где-то на речке.

«Как мы могли провести лето?» – размышляла я. Живя в селе – на огороде, после которого ходили купаться на Десну. Наши лица обгорали на солнце, мы наслаждались купленным

за собственные деньги мороженым, дурачились в песке, воровали лодку и переправлялись на другой берег, где пропадали в зарослях ежевики и тонули в пшенице, вдыхая доносившийся отовсюду запах полевых цветов. Что нового можно написать, если каждый учебный год начинается именно с этой темы?

Наверное, мое скверное настроение, которое даже мальчишки заметили, хорошо дало по мозгам, поэтому написала то, что стучало молоточками в голове пару дней.

Начнем с того, що ми літо уже провели. Чого про це писати? Я взяла що люди є не тіки хороші, є пагані, як деякі мої учителі і сусіди. Що ви мене питаєте? Самі ж знайте, що ми сидим на городі днями, а коли просапайм – ідем купатися. Ше я тепер знаю що мамка не завжди мамка, а мачуха може бути і мамкою. Що животні краці людей. А є і хороші люди. А ше люди вмирають, по собі лишають тоску. А ше непонятно, чого малина потрувана радіацією. Чого жовті таблички розвішують? Не треба було травити.

Усердно вывев последнюю строку, не читая, положила его на стол классной руководительнице – Марине Федоровне. Она же и преподавала украинский язык, на котором я бегло нормально изъяснялась, а вот писать мне было сложно. Может, все дело в том, что мой дед, мать, мальчишки – Руслан и Олег – абсолютно русскоязычные. А как иначе? Отец Олега из Сибири, своего друга он привез и познакомил с матерью Руслана, так что они на половину русские. Женя был единственным украинцем. Причем, хотя его родители простые рабочие (мама и вовсе домохозяйка), но его речь была грамотной и красивой. Еще он очень красиво читал стихи Шевченко. В лицах так. С нами он разговаривал на русском, но, когда злился или нервничал, мог выдать то или иное слово на «калиновій». А уж хорошо, даже отлично, я знала иной вариант украинского языка – суржик. Хотя у нас в деревне его все знают.

Учеба мне всегда давалась с трудом. Как правило, я витала где-то в облаках, поэтому предметы – от математики до физкультуры – были моей слабостью... в смысле моим слабым местом. Во второй класс меня перевели по какой-то справке, которую дед принес в школу, но ценным учеником я явно не была. Дедушка так и не рассказал, что там в справке. Я думала, неужто наша администрация пожалела меня из-за проблем со здоровьем. Дед, как обычно, не признавался. У него вообще были странные запреты на обсуждение некоторых тем, что мне было непонятно. Хотя теперь я боялась при нем вслух говорить слово «радиация». «Если оно возымело такой эффект на маме, то вдруг и дед скажется», – от этой мысли мои волосы встали дыбом.

После уроков мальчишки ждали меня у хозяйственного магазина недалеко от школы.

– И это только первое сентября, – уныло сказала я. – Я ведь не выдержу этой каторги.

– Как провела лето? – спросил Женя.

– Ты издеваешься, Жень? – уставилась на него, и без того пытаюсь прийти в себя от этих тошнотворных сочинений.

– Звичайно! – он засмеялся. – Написала, что «на городі»?

– Откуда ты знаешь? – недоуменно на него посмотрела.

– А вроде мы не такое каждый год пишем, – ответил Руслан.

На «Голубой Десне» в сентябре жизнь еще шла своим чередом. Мы попутно кивали оставшимся отдыхающим, идя по центральной аллее. Было довольно жарко, я уже давно стянула с головы черный платок, а солнце жгло нещадно. Наверняка парит – дождь будет.

У колонки, окрашенной голубой краской, мы склонились, чтобы напиться воды и умыться – тогда стало немного полегче. В стеклянную бутылку набрали воды Найде. Вот дойдём до конца аллейки, я, как обычно, попрыгаю по плитам, а там уже поляна-стадион, где наша Найда обитает.

Скажу честно, живу в этом селе, но самая главная достопримечательность – это именно «Голубая Десна». Тут есть такие пустынные места, хотя солнце светит ярко-ярко. Кажется,

будто люди наслаждаются лучами и уходят, чтобы кто-то другой мог в тишине и уединении полюбоваться природой, вдохнуть полной грудью свежесть воздуха и воды, которой преграда в виде забора из сетки-рабицы явно не страшна.

Найда высунула нос из будки и зарычала.

– Чего это она? – спросила я у мальчишек.

– То она щенков оберегает, – сказал Женя. – Кто знает, что в твою голову придет: вдруг обидишь. Слышишь, как скулят?

Слышно было, как они скулят, еще с момента, когда мы поравнялись с местной смотровой вышкой, представлявшей собой белую лебедку с бортиками на металлической опоре.

– Найдуся, – я сделала еще одну попытку, – а мы тебе принесли сосисок столовских и котлету. – Я освободила еду от бумаги и поднесла ей поближе, чтобы она носом почуяла вкусность.

Тогда Найда вылезла из своего убежища, но «пост» покинула ровно на расстояние досягаемости ее детей. Еда пришлось овчарке по вкусу, поэтому, когда она с ней справилась, потянулась ко мне снова. Когда я протянула руки ей для обследования, она их тщательно обнюхала своим «пылесосиком», а потом облизала.

– Это спасибо, значит, – «перевел» Олег и засмеялся, почесав Найду за ухом.

– Ну, Найда, бывай здорова, мы к тебе еще зайдем, – бодро сказал Руслан.

Мы решили пойти на качели, которые находились недалеко отсюда напротив сцены, а Найда стояла и прощально махала нам хвостом, пока мы находились в поле ее зрения.

На сцене сейчас никто не выступал, лавки напротив были свободны, две желтые качельки тоже, поэтому я поспешила занять одну из них.

– Снеж, да ты не спеши, мы тебе не конкуренция, – ухмыльнулся Олег. – И еще: выходи из своих мыслей хоть периодически, а то ты на качелях куда-то буквально улетаешь.

– В качелях иногда целый мир, – сказала я.

Эта часть базы, где расположены корпуса, совсем пустынная, хотя мы знали, что где-то в этих краях обитает «Боярский». Он нас гонять не будет, но что-то побухтеть может.

После моего часового качания мальчишки принудительно остановили качели и сняли меня с них, вернее почти стащили.

– Слышь, у меня белая блузка, так что давай как-то... – Я чуть снова не стукнула Олега: если что-то в моем внешнем виде деда не устроит, то тогда он мне устроит.

– Да ты у нас сама снежно-белая, – поддразнил Олег.

Следующий учебный день обещал закончиться очередной вылазкой на базы, поэтому я с нетерпением ждала его завершения.

Первым уроком была математика, потом английский, украинский и рисование. Хоть рисовать я и любила, но последний урок в школе меня не радовал. Преподавала у нас рисование учительница, которая художником вовсе и не была. Она показывала нам штриховки и заставляла рисовать пляж и воду в строго очерченных рамках. Так, пляж скорее походил на гору с рваными краями, а вода – на полоску – ровную, без единой волны. Разумеется, я не выполняла эти задания. Тем более, если речь шла о том, как нарисовать Десну или песчаный пляж «лягушатника», то моя фантазия очень далеко уводила меня от строгих геометрических форм. Не раз дед читал в дневнике замечания о моем «ослином упрямстве», «безнадежности в учебе» и прочее. Больше «тройки» по рисованию в табеле я не получала, да и не только по этому предмету. Математичка ставила мне «двойки» рядами, причем на каждом уроке, но пресловутая справка, с которой дед явился в школу, заставляла учителей рисовать мне проходные баллы, чтобы дотянуть до ПТУ.

Однажды слышала, как Игнатъевна в разговоре с нашей географичкой Катериной Васильевной обсуждала мою справку. Я как раз получила очередную «двойку» по математике, еще и деда вызвали в школу, потому что решила я задачу по-своему, очень по-своему:

«Ни знаю як цей при́мер рі́шати, бо моя учителька занята своєю причьоскою, а не тим, як навчить дітей математики».

Вот такое решение написала на доске под условием задачи. Таким образом отомстила ей за придирки на уроках и не очень хорошую славу, которой она награждала меня в школе и в селе. Я не понимала, как взрослая, состоявшаяся, а думаю, что она считает себя таковой, женщина может завидовать не слишком благополучной восьмилетней девочке.

Тогда Ольга Игнатьевна в порыве эмоций сказала Катерине Васильевне:

– Справка у нее. Сколько нам еще пахать на этих? Пострадавшие, можно подумать. Да от таких, как она, другие дети страдают.

Я демонстративно прошла мимо, одарив ее злым взглядом. Я знала, что она обвиняла меня в том, что ее сын тоже не отличается высокой успеваемостью. Но если учесть, что Олег старше меня на пять лет, а успеваемость у него хромает класса эдак со второго, то мое «плохое влияние», видимо, происходило ментально.

Надо сказать, что Олегу просто было скучно в школе, где ему объясняли азы предметов, когда как он сам продвинулся гораздо дальше. Так, он в уме мог посчитать примеры на умножение в столбик трехзначных чисел, причем в считанные секунды. Именно Олег помогал мне в учебе. Он давал мне книги: от сказок до чего-то более серьезного. Со стороны, наверное, дико было созерцать, как хулиганистого вида трое парней, кто с рогаткой в руках, кто с «батареей» бутылок пива в «авоське», читают с первоклашкой не очень опрятного вида «Маленького принца», по ходу объясняя, что змея в произведении, да и вообще всегда, является символом мудрости. Объясняли, почему мы в ответе за тех, кого приручили, на примере Найды, лежавшей рядом с нами на ласковом теплом солнышке.

Математика мне давалась с большим трудом, но с Олегом к середине учебного года мы освоили таблицу умножения.

В моей русскоязычной семье ждать помощи с украинским языком не приходилось.

Тогда Женька терпеливо пояснял, почему то или иное слово, которое я использовала в своей домашней работе, неправильное. Он говорил: «Не той відмінок, Сніжано. Це має бути Давальний. До речі, який відмінок я використав, коли звернувся до тебе?»

– Відмінок? – переспрашивала я.

– Падеж по-русски, – говорил он.

– А. Ну, странный этот відмінок.

– Да Кличний, Господи ж, – он в сердцах ударял руками по коленям. – Ты ж в Украине живешь.

– То да, – я соглашалась, – и мне очень нравится, когда красиво говорят. Вот ты говоришь красиво, лучше нашей укрмовши.

– Не підлабузничай, – говорил Женя.

– Женечка, я не лабузничаяю, в смысле не подлизываюсь, просто так считаю!

Я всегда твердо, как баран, доказывала свою позицию, и как раз подлизываться ни к кому не собиралась.

– Отож тебя в школе и не любят, – ржал Руслан, – там любят вечных подхалимщиков. А мы полностью развенчиваем стереотипы об отличниках и хулиганах. Как переживут это люди? – он картинно закатывал глаза, как наша директриса при виде нас в коридоре. – Прямо не знаю. Будут капли пить... сердцеШные.

– Женечка, ты почитай мне «Лісову пісню», ты обещал. Ты говорил, что там много всяких русалок, другой нечисти, прямо как в нашей школе – я, по-детски, подергала Женю за рукав.

– Отсмеявшись, он сунул мне в руки книжку в тонкой обложке, где была красиво нарисована девушка с распущенными волосами в венке:

– Это Мавка, Снеж, – сказал он. – Почитаешь – поймешь. Прочитаешь – обсудим.

Поэтому, несмотря на мои очень плачевные оценки, обилие замечаний, прохождение дедовой лозины по траектории моей спины, я была не совсем безнадежной. Просто, можно сказать, мы были голосом революции в образовании. Хотя множество пробелов, конечно, было.

Но не уверена, что школа может их восполнить. Разве что действительно настоящие учителя. Таких в нашей школе было человека три, да и то, у меня они не преподавали.

А еще у нас не было начальной школы. Просто учителя-предметники вели уроки. Классный руководитель вел нас от первого до последнего класса. Наверное, так дешевле было – не нанимать учителей начальных классов, а спихнуть на тех, кто работал в школе. Но у них и подхода не было к детям. С таким же успехом мой дед мог бы что-нибудь преподавать.

Стиснув зубы и зажмурившись, я пережила три урока, оставался последний – рисование. Мальчишки открыли мне страшную тайну. Оказалось, что учительница по рисованию была на самом деле учителем черчения. Тогда до меня дошло, откуда у нее все такое пропорциональное и выверенное, без какого-либо полета фантазии.

– Сегодня мы будем рисовать птичку на дереве, – сказала Марья Никитична.

– А птичка разве может под линейку нарисоваться? – задала я вопрос со скрытым подтекстом.

– Лекалами можно, – пошутила (пошутила?) она.

– Ё-моё, – не поверила я. – Может, еще этим транспортёром?

– Транспортиром, – поправила она меня, – остроумная наша.

И мы принялись рисовать птичку.

– А все равно какую? – снова спросила я.

– Хоть аиста, – она махнула на меня рукой. – Хотя, зная тебя, ты, как всегда, выпендишься и нарисуешь попугая.

– Могу этого, – решила я попаясничать, – розового, длинноногого, ну, как его?

– Фламинго? – предположила она.

– О, во-во, я на картинке видела.

– Да рисуй, что хочешь, – сказала она и покачала головой.

Новая манера в постановке задачи мне понравилась, поэтому я и изобразила фламинго, рядом аиста, а на ветке разноцветного заморского попугая.

Она взяла мою работу и впервые поставила «пятерку».

– Раз тебе не подходят вороны, синицы и воробьи, пусть будет эта заморская пестрятина, – сказала она.

– Так лелеки-аисты ведь наши, – запротестовала я.

– Умная ты моя, а напиши-ка мне сочинение на следующий урок об ареалах обитания аистов.

«Каких «оралах?» – не поняла я, но промолчала. Вслух сказала:

– По рисованию сочинение – это жесь.

– «Жесь» – это сталь, – спокойно сказала она.

Мы шли от нашего стадиона, проведав Найдю. Вдоль забора, ограждавшего «Голубую Десну» от других баз, была тропинка. Возле турников стояла проржавевшая «вертушка», через которую можно было пройти к бывшей столовой. Сейчас она побитыми и обгоревшими окнами смотрела на проходивших. У старого турника увядал куст белладонны. За него зацепилась тонкая паутинка, ветер был слабый, поэтому она едва тянулась куда-то вдаль. Видимо, вот оно и наступило – бабье лето.

Возле «Голубой Десны» располагалось еще несколько баз. На одну из них можно было легко попасть – ни охраны, ни завхоза, никого.

Домики были добротные, выкрашенные в коричневый цвет. Двери, абсолютно новые, почему-то были либо открыты, либо приоткрыты, поэтому можно было увидеть, что в домиках свежее обои розового цвета.

– Нормальный такой интерьерчик, – Руслан стал на пороге. – Все новое, но никем не тронутое.

– Может, тут живет вся нечисть Гоголя и Леси Украинки? – Женя быстро схватил меня за талию, и я закричала от испуга. Друг расхохотался, а потом резко замолчал.

Я открыла глаза, и мои волосы встали дыбом. Метров за десять от нас стоял короткостриженный парень возраста моих мальчишек и дед с велосипедом. У них был злой взгляд, леденящий, пробирающий до самых костей. Мне показалось, что на улице резко стало очень холодно. Мои Трио Справедливости, Три безбашенных хулигана, гроза села Пуховка, стояли, как вкопанные, и молчали. Я быстро взглянула на руки Олега, рукава рубашки которого были подкатаны до локтя, и увидела на них «гусиные лапки», какие появляются от холода или страха.

Мальчик со страшными глазами двинулся в нашу сторону. Не знаю, как объяснить, ведь в привидений я, правда, не верю, но он будто плыл. Ни одна ветка под ногами не затрещала, движения были плавными, и он безотрывно смотрел в глаза. Как я понимала, в глаза каждому, что просто нереально, если учесть, что нас было четверо. Серые глаза, совсем не такие, как у моих деда и матери, были просто страшными. Таких страшных глаз я еще никогда не видела.

– Не ходите сюда, тут пятно.

Я услышала это, и мальчишки услышали. Мое сердце колотилось и в ушах, и в пятках, и в желудке. Мальчишки бежали, причем Олег держал меня за руку. Отдышались уже на территории «Дельфина», куда с этой «проклятой» базы можно было попасть.

Женька пытался отдышаться, и попутно крестился, приговаривая: «Чур мене, чур».

Олег взялся за голову:

– Это точно чертовщина какая-то.

– Пригвоздили к месту, без какой-либо силы, а глаза... – Руслан посмотрел на меня. – Снежик, ты нормально? – он потербил меня за плечо, и я вскрикнула.

– Ого, малую вообще взяло, – сказал Женя и достал из рюкзака бутылку воды. – На, выпей, а то ты уже белее того снега, с которым тебя иногда сравнивают.

Я сделала глоток воды и посмотрела на них.

– Слушайте, это какая-то чертовщина. Мне так страшно не было даже тогда, когда за нами дед с топором бегал.

– Да не, Снеженция, – серьезно сказал Олег, – тогда ты тоже испугалась, просто забыла.

А сейчас тебя напугала неожиданность, совершенно непонятное одинокое место. В твоём мозгу не сложились два и два: как новая красивая база может быть заброшенной и мальчик, появившийся из ниоткуда.

Олег хоть и был мозговым центром нашей компании, но я хорошо помню, как он тоже испугался такой встречи. А может, просто у страха глаза велики?

Не раз за свою жизнь мне довелось столкнуться с этим сверлящим, пробирающим насквозь взглядом. Взглядом смерти.

Глава 6

Запрет на правду

Сентябрь-октябрь, 1995 г.

– Снегурка, – дедушка посмотрел на меня, оторвавшись от чистки фасоли, – что ты там усердно пишешь?

Я решила записывать свои сны, потому что они были странными и очень страшными. Я знала, что рассказывать их нельзя, чтобы не сбылись, поэтому подумала, что расскажу их бумаге. Начала с того, что записала сон, в котором за мной в малиннике гонялась мама. На полях жирным выделила слово: «радиация» и поставила знак вопроса. В школе мне не у кого было спросить, что означает это понятие, поэтому я интересовалась у мальчишек, но они отмаживались и говорили одно: «Невидимый яд».

Я не понимала, как яд может быть совсем невидимым? Даже газ, вроде невидимый, а горит синим и желтым. Что означает эта радиация, мне теперь хотелось узнать все больше и больше.

Сказалось, видимо, то, что спустя месяц базу, где мы повстречали «страшные глаза», разобрали на досточки. Эти досточки валялись разбросанные на месте новых домиков. На одну доску я нечаянно встала ногой, к счастью, в туфле с хорошей подошвой. К счастью – потому что почувствовала, что на что-то наступила и в ужасе поняла, что это гвоздь. Я подняла ногу, гвоздь на половину вошел в подошву, поэтому доска висела, будто ее специально приделали. Быстро сняв туфлю, выдохнула: через толстую подошву гвоздь не прошел. Так, впервые обрадовалась, что прошел дождь, и пришлось обуть эти не слишком красивые, но удобные для слякоти «чуни».

Юрка «Боярский», которого мы встретили, возвращаясь через «Десну» домой, сказал нам, чтобы мы не ходили на ту базу, «а то там гвоздей полно, да и пятно там».

Вот тут я не выдержала и спросила, что ж за загадочное пятно? Он пожал плечами и ответил: «Радиационное пятно».

– Тебе не угодить, дед, – чуть раздраженно сказала я. – Когда гуляю – плохо, пишу – плохо, а что ж хорошо-то?

– Да вот странно мне, что конец сентября уж, а меня в школу не вызывали, – весело сказал он.

– Это тоже плохо? – скептически поджала губы.

– Да чего? Это хорошо.

– После того, как ты помахал перед ними какой-то справкой, они будут тянуть меня до ПТУ. Всё. – резко сказала я.

– У тебя что, проблемы какие? – Почти ласково спросил он. – Че ты ершистая такая?

– Недоспала, – буркнула я. – А что это за справка?

– Какая справка? – дед снова «включил склероз» – еще один термин Олега.

– Справка, с которой ты в школу приходил, – терпеливо объяснила.

– Справка, как справка. Да не было никакой справки. Мы просто мирно пообщались с твоей директрисой. – Он натянуто улыбнулся.

– Как хочешь, – буркнула я. – Ты хоть бы раз ответил на мой вопрос нормально, а то всё: «дурные вопросы», «что за глупости лезут в твою голову» и «отстань».

Дед замялся.

– Вот скажи мне, почему, например, в мой день рождения ты запрещаешь мне смотреть телевизор? Или почему мама напивалась в этот день так, что ее в дом заносили? Почему она

чуть не убила меня из-за слова «радиация»? Что это за яд такой? Почему вокруг меня какие-то тайны, объясни?!

Дед молча смотрел на меня. В день моего шестилетия, 26 апреля, я включила телевизор, а дед, как увидел, выключил и разорался, чтобы я не подходила к нему. При слове «радиация» он начинал мелко подрагивать не то от ужаса, не то от злости.

– Снежана, я когда-нибудь тебе объясню. Просто времени мало прошло, больно вспоминать.

Я замолчала и больше этих вопросов не задавала. Не понятно – ему больно вспоминать маму или все эти вопросы с моей родительницей связаны напрямую? Но раз он не схватился, как обычно, за лозину, а честно признался, что ему болит, я просто не имела морального права берeditь его раны.

В моем соннике появлялось всё больше записей. Причем записывала я не только сны, но и свои мысли, вопросы и выводы. С наступлением октября на дворе стало еще более одиноко и промозгло. Дожди были затяжными, иногда по несколько дней. Дни становились всё короче и короче, ночи холоднее, поэтому мы с дедом повытаскивали уже все латаные одеяла. Печка была слишком старая и часто дымила, тепла она и вовсе не давала.

Учеба нам с мальчишками надоела, едва начавшись, а сейчас особенно припекла, поэтому мы слыли активными прогульщиками. Благо, прогуливать было где: село не маленькое, а на любой базе отдыха можно даже затеряться. Правда, ходить по ним уже не очень приятно: все было сонным и унылым. Спали деревья: липы, яблони, груши и катальпы, которые я, по своему невежеству, называла либо «катапальты», либо «катапульти».

Деда стали вызывать в школу, поэтому часто у нас дома были слышны крики и ругань.

Я убежала от него и возвращалась поздно, просиживая дни на пирсе у Десны напротив базы «Стрела».

К концу октября стало совсем холодно, особенно это ощущалось у реки. Поэтому, надев шапку, свитер потеплее и две пары колготок, я все равно продолжала гулять вдоль Десны. Иногда гуляла одна – хотелось отдохнуть от всех. Кроме того, мальчишки все еще не забывали меня учить чему-нибудь новому, но осенью мой мозг отказывался адекватно реагировать на полученную информацию.

– Снежка, а что ты тут делаешь одна? – Я обернулась и увидела Анастасию Ивановну.

– Гуляю, – просто ответила. – Здрасьте, Анастасия Ивановна.

– Здравствуй, – она кивнула, – как себя чувствуешь? Ты тепло одета?

– Да нормально, – я пожалала плечами, – не сахарная ведь – не растаю.

– Ты переживаешь? Беспokoит тебя что-то? – спросила Анастасия Ивановна.

– Да я просто о разном думаю. Например, вы видели базу новую, которую разобрали?

– Новую? – она удивилась. – А почему ж разобрали новую базу?

– Она, видите ли, с радиационным пятном.

Наша фельдшер поменялась в лице.

– Быть не может, – тихо сказала она.

– Чего не может? Вы знаете что-то?

– А ты что знаешь? – вопросом на вопрос ответила она.

– Радиация – это невидимый яд, – повторила я скупую информацию, которой со мной поделился Олег.

Она согласно кивнула:

– Ну вот, ты знаешь.

– Да что я знаю, Анастасия Ивановна? – вскинулась. – Я хочу знать то, что дед мне не говорит.

– Снежана, у него на то есть свои причины. Думаю, это личное. То, что лежит еще до твоего появления на свет, – серьезно сказала моя спасительница с васильковыми глазами.

– Расскажите мне, пожалуйста, что знаете, – я умоляющим взглядом посмотрела на нее.

– Дедушка твой запретил кому бы то ни было упоминать при его семье страшную напасть, именуемую радиацией. Он запретил говорить, откуда она взялась, что принесла и что может принести. В селе, конечно, кто-нибудь «слишком доброжелательный» обязательно бы что-то рассказал, но в том и соль, что люди сами не понимают до конца, что оно за яд такой.

– И даже вы не понимаете? – я не поверила.

– И даже я, – она согласилась. – Скажу тебе так: радиация – это и яд, и лекарство. Как говорится, в капле лекарство, а в ложке – смерть. В больших количествах радиация убивает, стирает с лица земли все живое, поражая своим смертоносным излучением десятки-тысячи километров.

– Излучение? Это как вообще?

– Это будет у тебя физика в школе – тебе расскажут, – она улыбнулась.

– Ну, Анастасия Ивановна...

– Это яд, который, грубо говоря, своим невидимым свечением убивает.

– Невидимым свечением? – я нахмурила лоб. – Это как так? Если это невидимое свечение, откуда вы знаете, что оно есть?

– Есть специальные приборы, – пояснила фельдшер.

– А у вас они есть?

Она отрицательно покачала головой, а потом ее лицо прояснилось, как бывает у людей, которых озарила какая-то мысль.

– Тебе рентген делали ведь, Снежана?

– Ага, – я кивнула. – И сердце проверяли, и легкие, и руку когда сломала, и когда вывихнула ногу.

– Да, богатая медицинская биография, – она ухмыльнулась. – Так вот во время рентгенологического обследования, то есть рентгена, твой организм получает определенную дозу радиации.

Я, нахмурившись, смотрела на нее.

– Это так... – я потеряла подол своего баевого платица со слониками, – непонятно.

Она засмеялась, но тут на меня кинулась... Найда. Она подошла из-за спины и куснула меня где-то за лопатку. Я от удивления и неожиданности, отпрянув, на нее уставилась. А она молча потрусилась от меня в другую сторону.

– Боже мой, Снежана! – вскрикнула Анастасия Ивановна, но я подняла руку.

– Анастасия Ивановна, у меня там свитер, две кофты, майка и футболка, так что старушка Найда меня просто предупредила, что друзей не бросают, – я вздохнула.

– Это да конечно, – она обернулась в сторону собаки. – Старенькая уже, может, не узнала тебя.

– Она как-то, кажется, все время старая, – я вздохнула. – Но у нее летом щенки появились; мы с ребятами ее проводывали, а потом целый октябрь ее видно не было, да и щенки не пищали. Думаю, деток у нее отобрали, и она осталась одна – голодная и одинокая.

– Хорошая ты девочка, – серьезно сказала Анастасия Ивановна.

– Ой, Анастасия Ивановна, – я весело ей подмигнула, – скажите это в селе, пожалуйста. Посмотрите на реакцию. А главное – вам там точно расскажут, какая я – хорошая или отпетое хулиганье.

– Знаешь, Снежа, – она потрогала мой нос, – на чужой роток не накинешь платок. Пусть говорят. Я всяких детей видела, сама совсем другой была, но в некоторых обстоятельствах раскрывается истинная суть вещей и людей. Твоя суть не скрывалась: ты по-хорошему принципиальная и несмотря ни на что – добрая.

– Анастасия Ивановна, я не добрая – я глупая, – грустно посмотрела на нее.

– Ну, если ты так думаешь, разубеждать тебя не стану, – невозмутимо заметила она.

– Только, боюсь, горькая зоречка, что не все так просто.

Я не обратила внимания на это обращение, потому что Анастасия Ивановна часто меня называла горькой зарей, зоренькой, и, кроме ассоциаций с коровой Зорькой мамы нашего фельдшера, других у меня не возникало. А фамилия у меня Горькая. Горькая Снежана Дмитриевна. Поэтому тогда я просто пожала плечами, и мы пошли домой, иначе, по мнению нашего доктора, мой нос перемерзнет и отвалится, и стану безносым снеговиком.

Глава 7

Там, где твоя душа

с. Пуховка Киевской обл. Ноябрь, 1995 г.

Ноябрь, как обычно, сопровождался дождями, грязью и вечной мерзлотой. По утрам порой даже были первые приморозки. Мой организм на ноябрь реагировал температурой, больным горлом, насморком и больными ушами. По дому ходила в шерстяном платке, трех кофтах и двух рейтузах. Одни, дырявые на пальце, шерстяные носки скрывали вторые. Дедушка вливал в меня все, что разрешала Анастасия Ивановна. Когда же не помогало, то даже то, что она запрещала. Так, он испробовал на мне «старое дедовское», как он сказал, средство: водку с медом подогреть и выпить. То, что это водка, дед меня в известность не поставил, иначе бы не пила. После того, как все девять лет смотрела на мать, которая от зари до зари где-то находила эту «оковиту», я зареклась брать в рот спиртное.

– На, выпей еще это. – Дед сел на край моей кровати, протянул мне рюмочку с чем-то мутноватым и потрогал мой лоб.

– Да, Снегурка, с такой температурой ты, чего доброго, растаешь.

Я понюхала, и запах мне не понравился.

– Это что? – требовательно пожелала знать.

– Лекарство, – уклончиво пояснил мой дедуля. – Ты пей, пока теплое... Залпом лучше.

На свою голову я выпила эту гадость. Ко всему прочему теперь меня еще рвало так, что слезы наворачивались. Дед от бессилия побежал за фельдшером, да она в Киев уехала.

– Дурень ты, Андрііч, – сказала Наталья Петровна, которая тоже часто приходила нам на помощь, – ти б краще банки їй поставив, легені вигрів, може, у неї вже запалення. А може, й алергія на горілку.

– Ты что несешь, Петровна, – он взмахнул руками, – какая может быть аллергия на водку?

Да у кого она бывает?

– Кто його зна? Мо, у неї й таке може бути.

– Ой, бабы-дуры, – Ростислав Андреевич махнул рукой на соседку и вышел за дверь. – Ото от такого незнания оно и шарахнуло, – услышали мы с Петровной.

– Что шарахнуло? – пропищала я и схватилась за горло.

– Ой, детонька, так ти геть мову втратила з дідовим лікуванням. Зараз я тобі баночки поставлю, гірчичники наліплю. Попечуть, але ж швиденько одужаєш.

Петровна хлопотала надо мной, прикрепляя банки, когда вернулся дед.

– Ивановна из Киева только через два дня вернется, – сказал он. – Вдруг Снегурка...

– Свят-свят, Андрііч, про шо ти думаєш? Зараз швиденько її на ноги поставим.

На следующий день мне и правда полегчало. Утром дедушка ушел получать пенсию, а я даже смогла встать с кровати. Лицо горело, воздуха не хватало, поэтому вышла на улицу. Солнце светило по-зимнему ярко, так что иней, покрывающий траву, начинал подтаивать. Я вышла на огород, на котором, кроме примерзших сорняков, уже ничего не было; вдохнула морозный воздух и закашлялась.

– А чой то ти не в школі?

Я обернулась на слащавый голос нашей соседки – Агафьи Васильевны, или же, как ее дед называл, Гапы. Как же я ее ненавидела. Более лицемерной особи людского рода я просто не встречала. В глаза она слащаво улыбалась, елейным голоском разговаривала с односельчанами. Если бы посторонний, кто не является жителем нашего села, услышал, то подумал бы, что это просто Мать Тереза. На самом деле, если что-то выходило за рамки ее планов, она показывала свое истинное нутро. Это нутро низвергалось потоками ругани и криками. Если

рисовать Гапку, то можно изобразить двухговым монстром – одна голова добрая, а вторая (истинная) – олицетворение людских пороков.

Односельчане ее недолюбливали, потому что замечали, что после разговора с ней в их семьях начинались скандалы, мужчины начинали пить самогон, даже коровы переставали доиться. Но пойти против учителя школы никто не мог, да и не хотел, ведь всем нужно было выучить детей. Вот мы с дедом всегда были в немилости у Гапы. Во-первых, ее хата находилась рядом с нашей, то есть наши огороды разделяла лишь «межа». Во-вторых, она явно положила глаз на наш дом, это при том, что ее собственный был вполне неплохой.

В-третьих, ее до белого каления раздражало, что дед порой высказывал ей, что, по его мнению, представляет истинное нутро великой учительши. А я с ранних лет всем своим видом показывала, как не терплю лицемерных особей типа Гапки.

– А вы почему не в школе? – в манер ей елейно протянула.

– А чого ти не балакаєш українською мовою?

– А ваши внуки «чого не балака»? – передразнила я ее.

– Хамка! – Она развернулась и «полетела» в хату, попутно посылая по десять бед на мою большую и на дедову седую головы.

– Снегурка, ты что, с яблони свалилась, – я подошла к дому, когда калитку открыл дед.

– Тебя вчера отпаивали, а ты разгуливаешь на морозе.

Он поставил торбу на лавочку возле дома, и я с любопытством полезла в нее изучать содержимое. Тут были яблоки, банки смородинового варенья, томатного соку, меда и молока.

– Дед, ты магазин ограбил? – просипела я.

– Не, встретил Петровну с вареньем и молоком, потом встретил маму нашей Настеньки – она томатный передала и мед, а яблоки я купил.

– У Савелишны? – сощурилась и приподняла бровь.

– У нее, а то как же, – он согласился. – У нее яблоки хорошие.

– Наверняка обвесила, как обычно, – хмыкнула.

– Да нет, я сказал, что ты сильно заболела, так она перекрестилась и дала тебе яблоко «с походом».

– Небось, самое маленькое и поточенное?

– Да что ж ты такая неблагодарная? – удивился дед.

– Деда, люди злые, я не могу быть им благодарна.

– Не все ведь злые, – резонно заметил он.

– Не все, – согласилась я. – Но вот Марфа, Виталик, Гапка, Савелишна, Ольга Игнатьевна и дальше по списку моих учителей.

– Ну, то, что ты учиться не любишь – твои учителя не виноваты, – строго заметил дедушка.

– Это они учить интересно не умеют, – парировала я.

– А чого то Гапа опять кляла всех до десятого колена? – спросил дед, подгоняя меня рукой в дом.

– То она от радости, – саркастично сказала я.

– Чего то наша гадина «рада»? – невозмутимо поинтересовался дед.

– Ну, меня увидела, – так же невозмутимо ответила я.

– От ведьма старая, – буркнул дед себе под нос. – Вон собирается огород вспахать на зиму. Хочет, наверное, уже половину нашего оттяпать «для огирочки».

Дед умел говорить по-украински примерно так же, как я по-английски.

– Да ей мало, я не понимаю?! – Мой внушительный вопль больше был похож на свист колес поезда.

– То такие люди, внучка. Им всегда мало, всего мало. Ее сын и вовсе продаст участок, это в Киевской-то области, рядом со столицей, когда мать его примет небо.

– Так вот и я это вижу. Он когда приедет, свое пузо развалит и на лавочке семечки трощит, а эта стоит на огороде на какого-то лешего. У него ж там бизнес какой-то бандитский.

– Ты у меня уже учишься, Снежка, – дед не то засмеялся, не то закашлялся. – Это я говорю, что бизнес у него бандитский.

– Да у него рожа чуть не треснет, не на картошке ж с огорода он ее разьел, – резко сказала я и закашлялась.

– Ты успокойся, не нервничай. Она того не стоит, кровопийца старая, – он грустно посмотрел на меня, – эта земля все равно тебе достанется, пусть не зарится на нее.

– Да мне эта земля... – махнула я рукой, – главное – чтобы было, где жить.

Дед ударил рукой по столу.

– Не смей так говорить! Ты даже не представляешь, что означает потерять любимую землю.

Да об этом в книжках во всех пишут. Ты же читаешь те книги, что тебе твои дружки дают? – строго спросил он.

– Д-да, – слотнула я, – но последнюю еще не читала.

– А я вот взял и почитал! К чему привело то, что у человека землю отняли?² Вот почи-таешь – поймешь. И не приведи Бог тебе узнать, что означает для человека никогда больше не ступить на родной порог, никогда не пройти по родным улицам! Запомни, Снежана, твоя земля – это та, где твоя душа.

– А я думала – это та, где родился, – тихо сказала я.

Он раздраженно от меня отмахнулся и какое-то время молча сидел; мне виден был только его серебряный затылок.

– Вот ты где родилась, а живешь где? Что тебе роднее? – наконец, спросил он.

– Дед, ты опять? Во-первых, я толком и не знаю, где родилась. Разве не здесь?

Я заморгала, боясь спугнуть возможность хоть немного, как в книгах пишут, «приподнять завесу тайны», но дед встал из-за стола и ушел в комнату.

Сказать, что я была разочарована – не сказать ничего. Но через какое-то непродолжительное время он зашел в комнату, служившую нам и кухней, и столовой, и гостиной, и положил на стол небольшой, сложенный вдвое, плотный зеленоватый картон.

– Читай.

Я обратила внимание, что он дает мне этот документ и как-то странно смотрит, будто обманывает меня. «Но нет, он же официальный документ дал», – подумала я и развернула свое свидетельство о рождении, бегло пробежалась глазами по основным пунктам:

Гражданин (ка): Горькая Снежана Дмитриевна.

Родился (лась): 26 апреля 1986 г.

Место рождения: г. Киев.

Республика: УССР.

Отец: Горький Дмитрий Витальевич.

Национальность: украинец.

Мать: Иванова Анна Ростиславовна.

Национальность: русская.

Я закрыла картонку со штампом «УССР» сверху и посмотрела на деда.

– Мама русская по национальности? – спросила я.

Он кивнул.

Я какое-то время молчала; перед глазами проплывали картинки из детства: как я бегала у реки, зарывалась в белый песок, чтобы отогреться, собирала ягоды, грибы...

– Дед, – осторожно спросила я, – а можно я буду украинкой?

² Имеется в виду книга Панаса Мирного «Хіба ревуть воли, як ясла повні?»

Он не разозлился, а мягко улыбнулся.

– Снегурка, а то как же? Ты ж она и есть. Когда ты в настроении, то даже сносно разговариваешь по-украински.

– Деда, – я хитро сощурилась, – вот как ты можешь судить? Ты ж по-украински, прости, ни бе, ни ме.

– Да не так со мной все потеряно, – он ухмыльнулся. – Мирного ж осилил. А не рано тебе еще такое читать?

– Мальчишки мне разные книжки читать дают: от «а-ба-бы-га-ла-ма-ги»³ до «Лесной песни» Леси Украинки, – гордо сообщила я.

– Ну, хорошо, – он похлопал меня по коленке. – А они тебя не обижают?

– Книжки? – я засмеялась.

– Парни, – объяснил он.

– Дед, мои друзья меня всегда защищают, – сухо ответила. – Не в отпетых хулиганах порой вселенское зло. Иногда нужно за ангельским нимбом искать спрятанные рога.

– Философский бред, Снежа? – он засмеялся.

– Что, знаешь, как я именую твои состояния души, окуренные трубкой? – задорно сверкнула глазами.

– Ты даже не представляешь, сколько всего я знаю, – он ухмыльнулся.

– Дед, так я в Киеве родилась? – Если он рассчитывал, что я так легко сдамся, то он глубоко ошибся. Настроение его снова превратилось в минорное.

– Угу, – буркнул он.

– А мы же живем тут?

– А ты против?

– Нет, скажу честно: я счастлива, что живу именно здесь. Тут самое настоящее детство.

Правда, я бы на «Голубой Десне» жила, – мечтательно подумала о кирпичном роскошном доме на территории базы, рядом с которым цвели катальпы.

– Тю, странная ты, – заключил дед. – Тут твой дом, а тебе базу какую-то подавай.

– Деда, там моя душа, – серьезно сказала я.

– Ну, ладно, ладно... – он снова замолчал.

– Расскажи мне о маме. Я даже не знала, что она русская. А ты тоже?

Он снова тяжело вздохнул и взял трубку.

– Не против? – спохватился он.

Я разрешающе махнула рукой и закашлялась, потому что горло все еще немного першило – пока еще голос вернется. Дедушка посмотрел на это и, не поджигая, просто сунул трубку в рот.

– Я в Сибири родился, – начал ростислав Андреевич. – Там красиво: ягоды, грибы, медведи, но и зимы суровые. Потом поехал поступать в военное училище, после окончания которого с молодой женой – твоей бабушкой, приехал обратно. – Грустно-грустно дед посмотрел на меня. – Ты чем-то очень отдаленно похожа на нее. Хотя ты явно в породе своего отца: и глаза его – ни то, ни се, волосы цыганские, хоть он и не цыган, – дед фыркнул.

– Деда, – прервала я, – ты можешь как-нибудь не так предвзято, а то я и так знаю, что ты меня не любишь, а когда смотришь и сравниваешь с отцом, появляется чувство, что ты меня ненавидишь.

– Да с чего ты взяла? – он недоуменно посмотрел на мою физиономию и потрепал по голове.

– Потому что, дед, – почему-то сильно обиделась, провела рукой по волосам, отбросив их на спину, – у мамы тоже волосы так вились, как у меня, – волночками.

³ Иван Франко «Грицева шкільна наука».

– А на краях барашком... – он улыбнулся так задумчиво: маму вспомнил наверняка. – От каждого родителя понемногу. А будешь дуться – не буду рассказывать.

Я спохватилась и уставилась на деда любопытными глазами:

– Рассказывай!

– Так вот климат в Сибири очень суровый. Твоя бабушка с юга России, поэтому ей было очень тяжело адаптироваться к вечным холодам, огромным комарам и деревянным хатам. Она была совершенно городским человеком, потому, думаю, начала чахнуть. Через несколько месяцев после того, как родилась твоя мама, не стало твоей бабушки. Она заболела воспалением легких. Хотя, считаю, болезнь усугубилась ее подавленным настроением и недоспанными ночами.

Твоя мама в раннем детстве очень болезненной была. Меня на службу вызвали в воинскую часть. Так как я остался один с ребенком на руках, то нам выделили в столице бывшей УССР временное жилье, и я растил Аню сам.

– Аня в целом меня радовала: умничка, отличница, что не олимпиада – первое место, стихи писала, сочинения потрясающие. Потом мы переехали в другой город под Киевом, где был... – дед посмотрел куда-то сквозь меня. – Где был, скажем так, военный объект. Там мама также блистала своими успехами. Со службы встречала меня горячим обедом и светящимися серыми глазами. Помню, заколет волосы «мальвинкой», и они на солнце отливают ярким светом. Ты же помнишь, какие у мамы были волосы?

– Спутанные лохмы? – жестко спросила я.

Дедушка осуждающе на меня посмотрел.

– Она тебя родила...

– И толку?! – вскинулась.

Он сжал кулак, а затем отвесил мне пощечину. Я расплакалась и убежала в свою комнату.

Лежала, уткнувшись в подушку, и продолжала реветь от несправедливости жизни. Понимаю, что мать меня родила, и я должна быть ей благодарна. Но животные тоже рожают. Кукушка своих птенцов подбрасывает в чужие гнезда, где, не факт, что ее дети выживут. «Да Найда более заботливая мать. Как она переживала из-за своих щенков!» – Эти мысли заставили меня еще больше разреветься.

Дед где-то через час сам зашел ко мне, я почувствовала, как пригнулась кровать под его весом и демонстративно отодвинулась на самый край. Он неловко погладил меня по голове.

– Снегурка, ты не плачь, ты еще сильнее заболеешь.

Подняла на деда заплаканное лицо, слезы-горошины катились по щекам, а обида так сердце давила, что оно начинало болеть.

– Я пыталась любить маму, а она готова была меня убить. Я ходила, как по минному полю, боясь сказать лишнее слово. У вас всегда с ней были какие-то тайны от меня. И меня она воспринимала, как злейшего врага. Да меня никто так не ненавидел, как она. А ты, дед!

Ты ведь бил меня по поводу и без повода.

– Это неправда, – тихо сказал он.

– Это правда! – зло захрипела я (могла бы – заорала). – Ты помнишь, мне пять лет было, я спросила, почему меня заразной называют, в какую-то зону, говорят, чтобы ехала. А я что, зечка?! – я расплакалась еще сильнее. – А ты меня тогда лозиною побил, вместо того, чтобы с людьми разобраться. Ты кричал, чтобы я не вспоминала никаких зон. А я вот вспомнила, – едко уколола я, – тоже бить будешь?

– Снегурка, ты прости, я так много ошибок совершил. Я потом тебе расскажу, обещал ведь, просто с этой болью жить тяжело, – он совсем понурился.

– Да с какой болью? – не выдержала я. – Ты найди во мне какое-то утешение, я что, зло вселенское? Я внучка твоя, вроде бы.

– Да не «вроде», – он улыбнулся, – ты внучка моя. Упрямая, как вся наша семья.

– Ладно, – смислостивилась, потеряла кулачками, как детки маленькие, глаза и уставилась на деда. – Рассказывай дальше. Только без нравоучений. Я сама решу, с чем согласна.

– Развита, как мама, но с таким сложным характером... – промурлыкал дед.

– Дед! – прикрикнула на него и, похоже, голос, прорвавшийся на секунду, теперь покинет меня дня на два вовсе.

– Твоя мама в 14-ть лет встретила парня. Он был старше, поэтому ты поосторожнее со своими дружками...

Я хотела что-то возразить, но голос таки пропал, поэтому демонстративно вручила деду подушку и сделала очень злое выражение лица. Хотя моя «злая мина» его скорее рассмешила. Он поднял руки в жесте: «Сдаюсь, сдаюсь».

– Дмитрия, отца твоего, призвали в армию. Ане было всего пятнадцать лет, когда ты родилась. Она написала своему любимому письмо, где сообщила, что родился... лась девочка, а ответа по сей день не получила.

– Это я виновата, что девочкой родилась?

Если считаете, что разговаривать без голоса нельзя – вы ошибаетесь. Какие-то звуки или шевеление губами при красноречивом выражении лица творят чудеса.

– Она писала ему раньше, что мальчика ждет. Он отвечал, что хочет уже, чтобы его служба поскорее закончилась, чтобы обнять жену и сына. – Дед посмотрел на меня, в мои глаза, снова наполняющиеся соленой водой. – Аня очень любила Дмитрия, а по молодости, по глупости и из-за тяжелых испытаний, выпавших на ее судьбу, она почему-то считала, что ты виновна во всех ее несчастьях. – Он спешно добавил. – А мне было все равно, кто родится. Твоя мать в сердцах кричала, что все в семье хотели, чтобы мальчик родился потому, что я над ней, беременной, подшучивал. Не раз говорил: «Пусть мальчишка рождается, а то одни бестолковые девчонки».

– Анечка слабой оказалась не только по здоровью, но и по характеру. Так лелеяла своего любимого, который ее бросил, и абсолютно наплевала на себя, на меня, на тебя. Школу так и не окончила, стала пропадать где-то, возвращалась домой пьяная. Я второй раз стал растить грудное дитя. Смеси тебе варил, купал... Да как же я тебя не люблю, внучка?

Я посмотрела на дедушку и слезы снова покатались по моим щекам. Во многом потому, что и глаза деда были на мокром месте.

– Прости, дедушка, – прошевелила я губами.

Для лучшего понимания моих немых слов показала жестами, что я его люблю и прошу меня простить. Он погладил меня по волосам и сказал, чтобы легла в постель, а он пока подогреет мне молока.

Глава 8

Потерявши – плачем

с. Пуховка Киевской обл. Ноябрь, 1995 г.

Анастасия Ивановна вернулась домой через два дня, как и обещала, и сразу прибежала к нам. Говорит, что мама ей передала, что «ее зоречка» заболела.

– Зоречка, ты что, в Десне купалась в ноябре, что вот так тяжело заболела? – спросила она, присаживаясь на стул рядом с кроватью и приподнимая мою пижамную кофту, чтобы послушать легкие.

– То я всегда так просту... живаюсь. – просипела я.

– Эээ, нет, дорогая, каждый год так простужаться нельзя, – весело сказала Анастасия Ивановна, вешая стетоскоп на шею. – Кроме того, ты уже стала моей вечной пациенткой, что меня совсем не радует.

– Я не убьюсь, любимая моя Анастасия Ивановна, – пообещала я и улыбнулась.

– И на том спасибо. – Она улыбнулась в ответ. – Горлышко еще красное, сердечко расшалилось, но легкие себя чувствуют нормально. Я буду тебе уколы делать два раза в день в течение недели, так что, думаю, ты меня разлюбишь быстро.

Я помотала головой и серьезно сказала:

– Нет, я хороших людей всю жизнь буду помнить.

– Ты умничка, но не напрягай связки, иначе голос совсем потеряешь.

Анастасия Ивановна сделала мне какой-то болючий укол, укрыла одеялом и пожелала скорейшего выздоровления. Я высунулась из-под одеяла и посмотрела на улицу. Погода, как ни странно, в эти дни была довольно неплохой. Правда, морозно было уже и днем, зато солнце светило, а не дожди лили, превращая дороги в месиво и болото. Дедушка стоял с Анастасией Ивановной и долго о чем-то ей рассказывал. Слышно мне, конечно, не было, но я догадывалась, что речь обо мне, так как наша фельдшер иногда поглядывала на окно, у которого, прижавшись носом к стеклу, сидела я. После третьего красноречивого взгляда, который не помог мне улечься в постель, она показала мне кулак, и пришлось-таки убраться под одеяло: «Вдруг она прямо сейчас сделает второй укол, для симметрии – во второе полушарие «нижнего мозга».

Вымученно я подставляла «полушария» для очередной экзекуции и молилась о скорейшем окончании этих болючих процедур. Порой просила, чтобы Анастасия Ивановна хотя бы утром мучила одно полушарие, а вечером второе. В итоге она мне сделала йодистую «сеточку», что мне тоже показалось болезненным.

– Анастасия Ивановна, – запротестовала я, – вы там в крестики-нолики играете?

– Нет, Снеж, – в морской бой.

На поправку я пошла быстрее благодаря усилиям нашей Настеньки. И в конце ноября была абсолютно здорова.

Когда переступила порог школы, то одноклассники встретили меня индифферентно. Васька, правда, с озадаченным видом спросил, сделала ли я математику? Но одного взгляда хватило, чтобы он, промямлил: «Ну да, я понял, что не туда спросил, я по... піду я».

Трио Справедливости, шутя, поправили мой бант, вручили мне пирожок, а Олежка очередную странного вида книгу.

– «Грамматика української мови у картинках» прочитала я в этом местном самиздате.

Эта «книга» представляла собой таблицы, нарисованные на твердом разноцветном картоне, украшенные смешными картинками, где многие правила были написаны так, чтобы их могла запомнить даже я. Например, странное предложение «Діти з'їли суниці» должно помочь

запомнить, что мягкий знак пишется после мягких букв д, т, з, с, ц, л, н. Рядом еще были примеры, которые меня рассмешили: «Женько, Русланько, Сніжанько».

Я засмеялась:

– Если я подпишу тетрадь: «Сніжаньки», то меня, к радости учителей, таки выгонят из школы.

Руслан посмотрел куда-то поверх моей головы и зло нахмурился.

– Ну, видишь, как тебя ждали. Воспевают по стенам твое творчество, – иронично заметил он.

Я обернулась на доску, где для нас размещалась полезная информация. Как правило, я ее не читала. Потому что меня прямо тошнило от созерцания лиц наших отличников – сына или дочки главы сельского совета, племянника заместителя директора и прочих «шишек».

А вот сегодня тут красовалась моя «рожа», иначе мою прелесть, украшенную синяком, не назовешь. Рядом висело мое сочинение «Как я провела лето?» с оценкой «нуль» и замечанием о моей безграмотности и тупости. Сверху написано: «Ганьба нашої школи».

– Прямо не знаю, как с этим жить! – картинно закатила глаза и схватилась за сердце. – О, как жить с этим, как мне жить? – сардонически приговаривала я.

И тут случилось то, что заставило меня второй раз поперхнуться своим мнением о нашей учительнице рисования точных геометрических фигур Марье Никитичне. Она, пребывая в вечно задумчивом и подавленном настроении, невозмутимо прикрепила поверх «ганьби» мой рисунок, где изображены птицы, оцененный «пятеркой». Но, что меня удивило вовсе, она достала мой рисунок Десны, буйно разливавшейся весной, где бликами отсвечивал чуть подтаявший снег, а на черных деревьях появлялись первые почки, и повесила рядом. Никитична тогда поставила мне за это творчество «тройку», а сейчас вывесила, и я смогла прочитать в углу приписку: «Талант, который стоит развивать и не вводить в стереотипные рамки. Анна Трофимова».

– Круто, – я заулыбалась. – А что такое «стереотипные»?

– Это устоявшееся мнение о чем-то, – пояснила Марья Никитична.

– А это хорошо или плохо? – снова спросила я.

– В значении характеристики твоего рисунка: стереотип – это плохо. Это означает, что я ввела тебя в рамки своего представления о живописи, коего, – она наклонилась прямо к моему уху, – совершенно не имею. А этого делать нельзя, потому что талант в рамки не вставишь.

– Марья Никитична, – так же тихо спросила я, – что с вами за лето случилось?

– Я пошла на курсы, и меня учила совсем молодая, но очень талантливая художница – Анна Трофимова.

Учительница меланхолично улыбнулась и «поплыла» по коридору.

– Мда, – протянул Олег, – а наша бледная моль-стрекоза, оказывается, еще самая нормальная. Не считает себя самой умной и «досконалой».

– Аби некоторые уже сконали, – сказала я, потому что в коридоре увидела дражайшую соседку Агафку.

Мы разбрелись с мальчишками после школы по домам, потому что снова зарядил дождь, холодный такой. Ко всему прочему, на улице была температура не более 1 градуса, потому к снегу примешивался дождь, было ужасно скользко. Я умудрилась упасть почти возле дома и удариться рукой.

– Деда, – простонала я, бросая на пол сумку, куртку, шарф и шапку. – Деда?

Дедушка не отзывался, поэтому я подумала, что он ушел куда-нибудь на почту или еще куда.

Когда вошла в нашу мини-гостиную, то увидела, что дед сидит за столом. Его голова лежит на столе, на альбоме с фотографиями, а левая рука висит вдоль тела. Мои волосы моментально встали дыбом. В животе очень нехорошо что-то сжалось.

– Дедушка, – тихо позвала я и потрогала его правую руку, на которой лежала голова.

Мое тело уже начинала сотрясать дрожь, сердце сильно колотилось. Рука дедушки была теплой, но я не могла его разбудить.

– Деда, дедушка, дедуля! – кричала я, в истерике тряся его за руку.

Потом выбежала во двор и помчалась к Анастасии Ивановне. Мне было абсолютно не холодно. Мне было жарко. Кровь кипела в мозгу, поэтому лицо просто горело. Я заливалась слезами или дождевыми потоками – было не ясно. Чуть не сбив с ног бабу Марфу, я наконец примчалась к дому Анастасии Ивановны. Как-то не подумала, что она может быть на работе, и бежать нужно к больнице. Затем долго стучала в дверь, но никто не открыл. Их Бим, собака с черной «шапкой» на голове, даже не залаял на меня.

От бессилия я опустилась прямо на крыльцо. Не знаю, может, быстро, может, через час, появилась Анастасия Ивановна. Я была в таком оцепенении, что счет времени потеряла давно, в тот момент, когда дотронулась до дедовой руки.

– Снежана, солнышко, что случилось? – Анастасия Ивановна бросила прямо на землю сумки и присела возле меня на корточки. Она взяла мое лицо в свои руки и заглянула в глаза.

– Да ты горишь вся. Почему раздета?

– Деда, – тихо сказала я.

Анастасия Ивановна открыла дверь и втолкнула меня в дом.

– Сиди, моя мама придет и покормит тебя. Я к вам домой!

В тепле мой примороженный мозг потихоньку оттаивал, поэтому через какое-то время я вышла из дома фельдшера и уже медленно поплелась к своему. Слез уже не было, никакой тоски, никакого ожидания какого-то благополучного исхода.

Обвела мутным взглядом окна нашей хаты. Во дворе толпились люди, стояла «скорая», Анастасия Ивановна общалась с медиками из машины. Ее лицо было смертельно бледным и каким-то в одночасье потемневшим.

– Оно она, – я взглянула на говорившую – баба Марфа. – Знов десь шлялась. Я бачила, вона од дому тікала. То вона діда убила. Вона ше та уловниця.

К бабе Марфе резко подошла Анастасия Ивановна и нависла над ней.

– Подите вон отсюда, – твердо и тихо сказала она.

– Ти що, лікарко, ти шо? – баба Марфа пятилась от нее.

– Вон я сказала! – Анастасия Ивановна вышла из себя окончательно, поэтому баба Марфа поспешила ретироваться.

Настенька же быстро набросила на меня одеяло и обняла.

– Не слушай, детка, не слушай никого, – говорила она.

Помню, что не плакала, не падала в обморок, но и не соображала ничего. Участковый подошел было ко мне, но потом отошел:

– Подтверждаю смерть от сердечного приступа, – услышала я.

– У него ведь сердце не болело никогда, – тихо сказала я Анастасии Ивановне, самой себе и природе, оплакивающей мое горе.

– Малыш, так бывает, ты поплачь, если можешь, поплачь. – Анастасия Ивановна снова присела на корточки возле меня и посмотрела мне в глаза. – Тебе будет больно, но я с тобой, я тебя не брошу, звездочка, не брошу.

Глава 9

Краh детских иллюзий

с. Пуховка Киевской обл. – Киев. Декабрь, 1995 г.

1 декабря состоялись похороны дедушки. Я стояла рядом с Анастасией Ивановной и ее мамой. Они обе держали меня за руки. Снова моя голова была покрыта черным платком. Если тогда, когда меня заставили повязать его после смерти мамы, он меня раздражал и как-будто выделял среди окружающих, не в хорошем смысле этого, то теперь эта отметина казалась мне чем-то таким, что защищает мою голову от тяжелых мыслей. На кладбище я бывала, когда мы с дедом ходили на могилу матери на девять и сорок дней. На похоронах же была впервые. Недолго отец пережил свою дочь. Я знала, что он плакал иногда ночью, когда никто не мог слышать этого и видеть. Помню, сказала ему:

– Не плачь, дедушка, я буду хорошей внучкой. Он тогда меня прижал к себе и долго не отпускал, но я чувствовала, что он просто рыдает.

Это так странно: видеть плачущего мужчину – военного плачущим. Похороны организовали те, кто всегда с пониманием и участливо относился к нашей семье. Остальным же я просто запретила присутствовать на церемонии:

– Вы туда не пойдете! Вы не любите дедушку. Не надо лицемерить! – кричала я.

Расставив руки в стороны, загородила ворота входа в кладбище после того, как через них занесли гроб. Это были первые слова, которые я произнесла за два дня.

– Не можна, дитинко, – Наталья Петровна пыталась мягко отодвинуть меня в сторону. – Хай простяться.

– Они стервятники, не хочу, чтобы они тут были!

Наталья Петровна плакала и искала поддержки у Анастасии Ивановны, но та кивнула и покачала головой: мол, так нужно, пусть уходят.

– Навіжена! – бросила баба Марфа и развернулась на выход.

Когда я «расчистила» кладбище от «лживого и лицемерного отребья», как сказал Олег, тут осталось совсем немного людей. Анастасия Ивановна со мной за руку, ее мама, по другую руку – Олег, Руслан и Женя, отцы мальчиков и мама Жени, Марья Никитична да Наталья Петровна.

Когда гроб поставили и сказали, что нужно попрощаться, я не двинулась с места.

Все присутствующие наклонялись над «Ростиславом Андреевичем, земля ему пухом», а я не могла. Анастасия Ивановна крепче взяла меня за руку и подвела к гробу. Я увидела восковое лицо, абсолютно не похожее на лицо дедушки.

– Это не он, Настенька Ивановна, не он, – шептала я. Впервые с момента, когда вернулась домой, отсидевшись в доме нашего фельдшера, слезы хлынули горячими ручьями, и в эту же секунду пошел снег. Тихий-тихий, ровный, он ложился на мое лицо, на восковую маску, которую я не узнавала, и мне вспомнилось: «Снегурка, не плачь, а то твои горячие слезы растопят тебя». Я бессильно рухнула на колени и взялась рукой за бортик гроба; подняться уже не смогла, поэтому папа Олега на руках вынес меня с кладбища.

В доме на поминках было слишком тихо. Иногда кто-то говорил о дедушке какие-то добрые слова:

– Ростислав Андреевич, царство ему небесное, молодец. Выстрадал уже, так выстрадал, на него всегда можно было положиться...

Папа Олега выпил рюмку водки, а я молча сидела за столом. Иногда от каких-то особенно болезненных для меня слов, начинала плакать, и мальчишки подходили ко мне поочередно,

чтобы как-то поддержать, но как – они толком не знали. Анастасия Ивановна показала жестом, что лучше меня пока вовсе не трогать.

– Хорошю людиною був. Справжньою. – Наталья Петровна тоже не сдерживала слез.

– Возможно, Ростислав Андреевич в чем-то ошибался, но мы, смертные, все мы в чем-то не правы. Но он был добрым, справедливым человеком, любящим отцом и хорошим дедушкой. – Анастасия Ивановна пригубила водки.

– Ростислав Андреевич все-таки наш человек был. Пусть покоится с миром. Он великий философ, кто бы что ни говорил. – Мальчишки разом произнесли эту речь, дополняя друг друга.

– Спасибо, – тихо сказала я, – спасибо, что здесь сегодня те, кто любил дедушку. Любите своих родных, они так внезапно уходят.

Я закрыла лицо руками и тихо заплакала. Люди постепенно стали расходиться, слезы переставали литься, и меня одолел сон.

На следующий день Анастасия Ивановна попросила, чтобы я посидела в доме с ее мамой, а она на пару часов должна была сходить на работу. Я сидела на скамейке во дворе. Олег, Руслан и Женя подошли ко мне и сели с разных сторон.

– Малыш, ты как? – неловко спросил Женя.

– Нормально, Женя, – солгала я.

Он вздохнул, а остальные не знали, что еще мне можно сказать. Руслан потрогал мои руки.

– Снежинка, ты сама скоро в снеговика превратишься, может, в дом пойдем?

Я отрицательно помотала головой. На мне было черное платье, голова все еще была повязана черной косынкой, и куталась я в дедову телогрейку.

– Я такой дурой была, – вдруг сказала я. – Моя мать права, когда говорила, что я свинья неблагодарная, что лучше бы не рождалась.

– Так, – Олег вскочил на ноги, – прекрати сопلي разводить. Не говори глупостей! У тебя есть мы, есть Анастасия Ивановна и многие другие, настоящие и искренние люди. Ты подумай. Как ты им нужна!

Подняла глаза на Олега, но посмотрела за его спину. Он тоже обернулся, как бы отгораживая меня от пришедших. Демонстративно отбросив калитку в сторону, пожаловали Гапа в сопровождении участкового и какой-то женщины – эдакая толстая тетка, выкрашенная в черный цвет, с густо намазанными яркой помадой губами, в очках с крупными стеклами.

– Горькая Снежана Дмитриевна? – спросила мартышка в очках.

– А что вам нужно? – вступился Руслан.

– Ти не заважай, Філіпов, – Агафка отодвинула его в сторону, – тут правоохоронні органи і опікунська рада. Вам тут робить нема чоґо.

– То вам тут «рабить нема чо» – перекривил ее Руслан. – Это в вашем любезном лице все инстанции? Пока вижу нашего перепуганного подхалимщика-участкового, великую учительшу, которую к школе за километр подпускать нельзя, и тетку в очках.

– Я попрошу, молодой человек, – встряла «тетка в очках», – попридержите язык.

– Значит так, – участковый переминался с ноги на ногу, – Ростислав Андреевич получил это жилье временно, так что теперь его нужно бы освободить.

– Да что вы делаете?! – мальчишки вместе закричали на участкового Трофима. – Куда ее? Она ребенок. Какое право вы имеете?! Это Ростислава Андреича жилье!

– Що ви взагалі знаєте? Аби не ваші батьки, вас би вже давно в колонії навчили дисципліни.

Це моя земля! – Гапа помахала перед нашими лицами какими-то бумагами. – Понаприїджали тут, ти бач! Ну, то виправимо... – она обратилась к очкастой мартышке. – Ви б забрали її в якусь колонію. Вона, до речі, під слідством була.

- Да? – очкаричка уставилась на слабохарактерного участкового.
- Ну, не то чтобы, но там история...
- Понятно! – заключила очкастая гадина, прервав бляения «бравого стража порядка».
- В Киеве есть разные учреждения. Плодить уголовщину мы не будем, у нас это строго пресекается. Если это в таком возрасте, – она сверилась с бумагами, – 9-ть лет, такое, то к подростковому она станет мошенницей, воровкой, проституткой или убийцей.
- Да щоб тобі ні дна, ні покришки! – гаркнул Женька.
- Мегера в очках раздраженно посмотрела на Женю:
- Уберите этого хулигана!
- А что тут происходит?
- Я обернулась – из дома как раз вышла мама Анастасии Ивановны.
- Я работник социальных служб. Забираю эту неблагополучную девочку в приют для несовершеннолетних. А если она будет упираться, – она схватила меня за руку и больно ее сжала, – отправлю в колонию.
- Какое право вы имеете? – растерялась мама нашей Настеньки. – Она благополучная, хорошая девочка.
- А вы собственно кто? – этот бабуин в очках теперь наседал на бедную женщину.
- Да вона ніхто! Женить її звідси, чого стоїте? – Гапа подначивала участкового. – Це моя земля, моя!
- Иди, собери вещи, и не вздумай сбежать, – мегера обратилась ко мне.
- Что здесь происходит?
- Я была рада, что Анастасия Ивановна вовремя вернулась.
- Так, я работник социальных служб, оправдываться перед всякими не собираюсь, – наигранно уставшим голосом сообщила социальная кровопийца.
- Что?! – Анастасия Ивановна опешила. – Я не отдам вам девочку.
- Я и спрашивать тебя не буду, пигалица.
- И тут я увидела, как Анастасия Ивановна прищурилась:
- Ба, Упырина Вурдалаковна, вас повысили в должности? – Анастасия Ивановна усмехнулась. – Вы теперь пьете кровь бедных сирот, и без того обиженных судьбой?
- Наша фельдшер схватила эту Вурдалаковну за локоть.
- Ты, ты, я тебя знаю, – Вурдалаковна пыталась вырваться, – ты эта, ты Охрименко.
- Ты проститутка малолетняя.
- Вурдалаковна, у вас все либо проститутки, либо будущие уголовники, – спокойно сказала Анастасия Ивановна. – Только мне вот интересно, как с таким уровнем образования и такими «потрясающими» методами преподавания, вы дослуживаетесь до той или иной должности? – моя любимая и самая смелая защитница особенно едко сейчас говорила. – Может, древнейшая профессия помогает?
- Я лучший педагог СССР! Я методист высшей категории! – бабуиниха надулась и готова была лопнуть.
- А я врач, причем очень неплохой, и как врач заявляю, что у вас мания величия, а это, знаете ли, серьезное психическое отклонение.
- Да я на тебя в суд подам!
- Ваше право. Ждите встречного иска, – сказала Анастасия Ивановна и забрала меня в дом, прихватив и мальчишек, и опешившую маму.
- Меня била дрожь, Настя отпаивала меня какими-то травками.
- Попей, Снеж, это чаек с мятой и мелиссой, успокойсья.
- Я тихонько пила чай.
- Чего они к ней прицепились? – воскликнул Олег. – Что им нужно?

Анастасия Ивановна посмотрела на него, а потом на меня. Все это время она меня обнимала.

Ее мама поцеловала меня в макушку и тоже села рядом.

– Олег, ты умный парень, – она грустно вздохнула. – Ты понимаешь, что девятилетняя сирота одна жить не может.

Я взглянула на Анастасию Ивановну полными слез глазами, и она прижала меня сильнее.

– Меня не могут сделать опекуном или усыновителем, я узнавала. Поэтому хочу подыскать Снежке хороших родителей, чтобы быть за нее спокойной.

– Анастасия Ивановна, не хочу к чужим людям, с вами хочу, – тихо сказала я.

– Понимаю, моя девочка. Я еще попытаюсь. Завтра в Киев еду, надеюсь, найду помощь. Не расстраивайся.

На следующий день Анастасия Ивановна рано уехала в Киев. Ее мама пошла доить корову, сказала, что через час вернется со свеженьким молочком: «От Зорьки – зореньке».

Я сидела за столом и листала альбом с фотографиями – последнее, что в своей жизни смотрел мой дедушка. Он был полупустым. Фотографий у нас было очень мало. Вот мамина, где она совсем девочка еще – с двумя длинными косами, у лба выющийся «веночек» пепельных волос. Фотография цветная. Вот – черно-белая, дед с мамой, где она постарше. Длинные выющиеся волосы, светлые веселые глаза. Дедушка – такие же серые глаза, светящиеся гордостью, ласковая улыбка. А вот и моя фотография. Тут мне три года: кудряшки, темные глаза на черно-белой фотографии: на столе, за которым сижу, стоит банка с вишневым вареньем. И я, в школьной форме, с бантами – первый раз в первый класс.

Я перевернула следующую страницу альбома, когда дверь хаты открылась и, с громким стуком ударившись о противоположную стену, жалобно звякнула. В наш дом зашли два милиционера в форме, наш участковый, снова Упырина, и снова Гапа. От ужаса я резко встала – и альбом упал на пол.

– Забирайте! – Упырина указала на меня пальцем с маникюренным когтем.

Один милиционер подошел и взял меня под локоть.

– И не панькайтесь, она в колонию поедет, так что это ваш контингент. – Упырина самодовольно ухмылялась.

– Анастасия Ивановна... – начала я.

– Не поможе тобі. – Гапа сделала вид, что ласково погладила меня по щеке.

– Дяденьки милиционеры, я не какая-то уголовница, я человек! – зывала хотя бы к их совести. Но эти два амбала были такими же чувствительными, как пол, на котором они стояли.

– В машину, давайте, быстрее! – Упырина отшвырнула альбом ногой и обратилась к Гапе, – теперь это по праву ваш дом.

Я брыкалась и, если бы могла, кусалась, но мне заломили руки за спиной, как какой-то матерой зечке, наклонили чуть ли не к самой земле и затолкали в машину.

– Надеюсь, Гапа, тебя похоронят на этой земле! – выкрикнула я в окно машины.

В тот момент я и сама ощущала себя Чипкой⁴, готовой разорвать, растерзать, убить. И только сейчас пришло настоящее понимание дедушкиных увещеваний о любви к родной земле.

Всю дорогу надеялась, что мне удастся сбежать, что меня встретят Анастасия Ивановна или ее мама, или Олежка, Женечка, Руслан, хоть кто-нибудь. Я, как зверь в клетке, билась о стекло, но в тот день меня увидела только баба Марфа. Она злорадно плюнула вслед машине и прокричала: «Нарешті цю больну причинну заберуть».

Мое детство в одночасье закончилось. Вся моя жизнь пошла под откос. Нет ее. Нет меня. Нет уже нашей семьи. Ничего не осталось. Даже землю, которую, как хотел дедуля, я чтילה, у меня отобрали. Оторвали меня, как дитя от груди, от земли, где мы каждый год собирали

⁴ Панас Мирний «Хіба ревуть воли...?»

урожай. Где росли яблони и вишни, которые так нежно, будто облака, цвели каждую весну. Никогда больше не смогу вдохнуть свежесть Десны. Никогда не пройду по фруктовому саду «Голубой Десны», не изведу новых территорий.

Теперь у меня в груди радиационное пятно, которое уничтожит меня вскоре, и не останется даже досок. И на мои похороны явятся только глаза смерти – старик и мальчик – прошлое и будущее, которого не будет.

Глава 10

С верой в сердце

Киев. Декабрь, 1995 г.

Меня высадил из машины один из амбалов, и держал под локоть так, будто собираюсь куда-то бежать. А бежать некуда... Кругом высокие дома, все серое и невзрачное, совершенно несравнимое с аккуратными домиками в нашем селе, где цветочки возле каждой хатки, деревья фруктовые... Все, что успела прочесть на табличке здания, в которое мы входили, что это была детская комната милиции. «За что меня-то? Что за монстра они из меня сделали?» – мой мозг не мог смириться с такой несправедливостью.

Вурдалаковна широкими шагами пересекала коридор с крайне деловым видом.

На протертых откидывающихся стульях, как в сельском клубе, сидели разного вида подростки: бритые наголо, с нагловатыми ухмылками, в протертых куртках и джинсах, причем и мальчишки, и девчонки. Я почему-то с мрачным ужасом подумала о том, что здесь обреют и меня, и мои темные волны посыплются на пол, а потом их сметут веником и сожгут. «Авдотья Петровна этого бы им не простила».

Вурдалаковна открыла дверь в один из кабинетов, я даже не успела прочесть надпись на двери. К счастью, ее кто-то позвал, поэтому она, затолкав меня внутрь, отлучилась по каким-то своим делам.

Я стала посреди кабинета и уставилась на этого «дядьку-следователя». Он был молодой, с короткой стрижкой, в продолговатых очках, которые ему явно мешали, потому что он то их снимал, то надевал обратно. Его лицо не было слишком уж злым, по крайней мере точно не таким, как у амбалов или Вурдалаковны. Но видно было, что ему не особо по душе его работа. Посмотрел на меня и прокашлялся:

– Маслов Сергей Владимирович, – сказал он, а потом буркнул под нос, – остальными регалиями голову можно не забивать. – Итак, имя, фамилия?... Словом, по твоему делу вижу, что ты все процедуры и так знаешь.

– Какие процедуры? Какому делу? – Мои глаза расширились, а шок от услышанного сподвиг меня задать вопросы, молвив их «человеческим голосом», а не молчать, как дундук перед расстрелом.

Он раздраженно снял очки и посмотрел на меня:

– Не включай дурочку, не идет.

И я расплакалась. От себя не ожидала, что так будет, просто что-то не к месту порвался шнурок, стягивающий сосуд со слезами.

Маслов закатил глаза, встал, обошел меня, встал за спиной, взяв за плечи, подвел к стулу и налил стакан воды.

– Слушай, я понимаю, что ты, наверное, родилась с актерскими способностями, но я таких, как ты, здесь столько перевидал. Все равно тебе дорога в колонию, так что, наверное, так и напишу в заключении, а Вурда... Ирина Владленовна заберет тебя и отправит по назначению.

– Да что там написано? – не выдержала я и резко взмахнула руками; вода из стакана в моей правой руке расплескалась на какие-то его документы.

Я зажмурилась, потому что думала, что он будет на меня орать или вовсе ударит.

– Понятно, это надолго, – сказал он; развернул не слишком толстую папку с ленточками, где были написаны мои данные, и начал читать:

Гражданка: *Горькая Снежана Дмитриевна.*

Дата рождения: *26.04.1986.*

На этом моменте он запнулся и посмотрел на меня:

– Надо же, Горькая еще и в такую дату родилась.

– А что? – не поняла я.

– Ничего, – буркнул он. – Раз даже этого не знаешь, то считаю, что запись о твоей полной педагогической запущенности и отсталости верна.

– Что? – опешила.

– Заладила, – не выдержал он, – «что, да что?» А ничего! Знать нужно, что это за дата, и сколько горя она принесла.

Я молчала, а слезы снова наворачивались, поэтому быстро стала пить оставшуюся в стакане воду.

– Итак, новоявленный криминальный элемент, продолжаю:

Отец: *неизвестно где.*

Мать: *проститутка, алкоголичка и шизофреничка.*

Дед: *мошенник.*

Я вскочила на ноги и выдрала из его рук папку:

– Да руки ж не отсохнут такое писать! Да как можно? Я только дедушку похоронила, да как вы можете? – в бессилии опустила обратно на стул. – За что вы так? Вы разве не люди?

Он посмотрел на меня без бывшего раздражения, молча забрал папку из моих рук и уже молча прошелся по «моему» делу. Иногда он, скорее себе, вслух зачитывал какие-то моменты «моей» биографии, прохаживаясь по комнате, заливая пакетик чая кипятком, размешивая сахар в чашке. Правдой было, что меня на короткий срок поставили на учет в РУВД, но это ведь было по ошибке. Тут же написано, что я «неоднократно привлекалась», «состояла на учете в этой комнате милиции», «занималась воровством и мошенничеством», «тунеядством» и «попрошайничеством».

– Я не «тунила» никаких ядов, – снова сказала я, не понимая значения слова «тунеядство».

Сергей Владимирович с легкой усмешкой дочитал последнюю страницу опуса и поставил передо мной чай.

– Что тут правда, кроме имени? – спросил он.

Я не могла поверить своим ушам и глазам, которые видели, что он ухмыляется, но как-то злобно, хотя ярости по отношению к себе как раз и не чувствовала.

– Я на учете в РУВД была, меня на месяц поставили...

– О, – он поднял бровь, – так чего ж ты голову морочишь? Значит – наш клиент.

– Это по ошибке было, – запротестовала я.

– По ошибке и авария на ЧАЭС была, а люди гибли, – жестко сказал он.

– Что? – снова не поняла я.

– Ох и запущенная, – поразился он.

– Я не виновата была, – снова начала я, пока он не передумал о моей реабилитации в своих глазах.

Быстро рассказала ему свою версию событий годичной давности. Не скрывая того, что верили в мою историю только мальчишки, ведь были очевидцами, и Маргарита Степановна.

– И ты хочешь, чтобы я, имея опыт общения со множеством лживых и хитрых подростков, тебе поверил? – Он сощурился и отпил из своей чашки чай (к своему пока не притрагивалась). – Но я верю.

Я с надеждой заглянула в его глаза.

– Спасибо... – честно сказала я. – Хоть кто-то мне верит, я не могу уже, столько всего...

Сергей Владимирович слушал мой лепет и грустно на меня смотрел. О чем он в тот момент думал, было известно только ему, но в итоге он спросил:

– Чем ты Вурдалаковне насолила?

– Ничем. Анастасия Ивановна забрала меня от нее, сказала, что будет искать способы меня удочерить. А эта Упырина приехала и меня забрала.

Он поперхнулся чаем:

– Стоп! Анастасия Ивановна? Упырина?

– Анастасия Ивановна называет эту мымру Упыриной Вурдалаковной. – Я искренне на него посмотрела. – А Настенька Ивановна – фельдшер в нашей больнице. Она самая хорошая.

Но она теперь не знает, где я.

– Охрименко? – радостно спросил Маслов.

– Кто? Анастасия Ивановна? – задумалась. – Кажется. Я ее называю либо Анастасией Ивановной, либо Настенькой Ивановной.

– Ну, мда, мир – это одна большая деревня, – весело сказал он. – Ты пей чай.

Он побежал и закрыл дверь, достал мне бутерброд и шоколадку «Чайка». Я еще в большем замешательстве на него уставилась.

– Настя – моя одноклассница, – сказал он, – и раз ты о ней так отзываешься, значит, ты не криминальный элемент. А если Настю увидела Вурдалаковна, то понятно, почему в твоём деле появились такие интересные, душещипательные подробности и характеристики.

Чуть ли не гриф «Особо опасная».

– Скажите ей, куда вы меня запроторите, скажите, пожалуйста, пусть она меня заберет, я же ни в чем не виновата! – умоляла я.

– Скажу, не бойсь. – Заверил он и разломал шоколадку, подвинув ее ближе ко мне, потому что я не решалась взять сама. – Такое дело, Горькая, во-первых, учи историю, а то нам с Настей за тебя стыдно. Во-вторых, я отправлю тебя в обычный детский дом, это не так далеко отсюда – там лес рядом, воздух. В-третьих, и это неприятно, эта характеристика мною обжалована быть не может, поэтому с таким пятном пока придется пожить. Вот дослужусь чуть, закончится у меня практика в этом клоповнике, тогда попробую тебе помочь. Мы своих не бросаем! – горячо пообещал он мне.

Меня так удивило местоимение «своих», но так рада была, что моя жизнь не закончилась так печально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.